

Записки Стахія Львова-Троепольскаго.

Предисловіе.

Великое множество интересныхъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніи мемуаровъ и записокъ, времени даже сравнительно не очень далекаго отъ нашего, пропадаетъ безслѣдно для потомства, благодаря разнаго рода несчастнымъ случайностямъ. А между тѣмъ, при правильномъ отношеніи вообще къ памятникамъ старины со стороны ихъ обладателей, многія бытовые стороны нашей русской исторической жизни уже давно получили бы надлежащее освѣщеніе, раскрылись и уяснились гораздо лучше и глубже. Конечно, многія записки имѣютъ видъ только семейныхъ преданій и интересны, повидимому, лишь для потомковъ какого-либо знатнаго или незнатнаго рода. Но такъ какъ каждый человѣкъ, ведущій свои мемуары, если даже онъ изображаетъ свою собственную жизнь, на своемъ вѣку бываетъ иногда свидѣтелемъ явленій историческаго значенія, сталкивается съ людьми, игравшими значительную роль въ событіяхъ своего времени, то случайныя замѣтки мемуариста становятся въ этомъ случаѣ драгоценными свѣдѣніями для характеристики и правильнаго пониманія уже общеизвѣст-

ныхъ событій и лицъ славнаго или безславнаго прошлаго. Важно также и то, что во многихъ съ перваго взгляда, въ историческихъ запискахъ, очень рельефно отражаются бытовые черты извѣстнаго времени, хотя нерѣдко авторъ подобныхъ записокъ менѣе всего заботился дать потомству точное представленіе о бытѣ и правахъ своего времени. Если же мемуаристъ задается нарочитою цѣлью наиболѣе яркими красками обрисовать такія явленія, которыя, по его мнѣнію, были очень характерными и даже обыденными въ его время, то въ подобныхъ запискахъ читатель находитъ очень часто поучительныя страницы, дающія матеріалъ для обильныхъ сравненій „вѣка нынѣшняго и минувшаго“. Во всякомъ случаѣ, самый скромный бытописатель прошлыхъ временъ болѣе всего интересенъ тогда, когда онъ старается сказать чистую правду, рисуется себя такимъ человѣкомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, не создавая изъ себя героя и не представляя всѣхъ остальныхъ людей, кромѣ себя, только заслуживающими презрѣнія и осужденія въ глазахъ грядущихъ поколѣній.

Предлагаемая ниже вниманію читателя „записки Стахія“ жившаго во второй половинѣ XVIII вѣка, относятся къ числу мемуаровъ скромнаго по служебному положенію человека, который, однако, въ воспоминаніяхъ изъ собственной жизни оставилъ нѣсколько страницъ интересныхъ и въ бытовомъ и въ историческомъ отношеніи ¹⁾.

Ихъ повѣствователь видѣлъ въ своей жизни не мало горя и нужды. Это обстоятельство положило даже особый отпечатокъ на его записки: очень часто попадаются въ нихъ и горькая иронія надъ самимъ собою и своимъ положеніемъ, и сатирическое отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ тогдаш-

¹⁾ Кто такой былъ Стахій, читателя увидать изъ его же автобіографіа, составляющей большую часть его записокъ.

ного времени, отъ ненормальности которыхъ много приходилось терпѣть очень многимъ. Грустная повѣсть Стахія о 16-лѣтнемъ своемъ томленіи подъ судомъ, когда онъ лишился буквально всего—и семьи и имущества, благодаря царившему тогда въ судебномъ мірѣ взяточничеству, производитъ на читателя удручающее впечатлѣніе. Думается, потому именно Стахій въ концѣ своихъ записокъ отмѣчаетъ личность одного безкорыстнаго (не мздолюбиваго) стряпчачаго, что такіе люди встрѣчались тогда довольно рѣдко. Нельзя, кажется, предполагать, что Стахій преувеличиваетъ положеніе вещей, подъ вліяніемъ испытанныхъ невзгодъ, потому что и лучшіе люди того времени, какъ напр., приводимый въ запискахъ Стахія Смоленскій губернаторъ, очень хорошо понимали величину зла и повальное распространеніе мздоимства между чиновниками. Съ этой стороны записки Стахія почти ничего не прибавляютъ къ тому, что уже извѣстно о бытѣ и нравахъ служилаго чиновничества второй половины прошлаго вѣка.

Интересно у Стахія сопоставленіе чиновнаго сословія съ духовнымъ, которое тоже подвергалось, да и доселѣ подвергается нападкамъ за вымогательство при требоисправленіи. Онъ приходитъ къ тому твердому убѣжденію, что духовенство вынуждалось къ вымогательству своимъ крайне бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ и тѣмъ порядкомъ, который господствовалъ тогда при полученіи церковныхъ должностей. Консисторскіе чиновники вымогали съ искателей этихъ должностей, елико было возможно, а причтъ церковный входилъ чрезъ это въ неоплатные долги и притомъ въ такое время, когда нужно было начинать жизнь и приобретать все необходимое для домашняго обихода. Кроме того, духовенство было обложено поборами въ пользу консисторіи и при всякихъ другихъ удобныхъ для этого случаяхъ. „Вотъ

крайность, говорит Стахий, вынуждающая поповъ выпрашивать. Полагаю, что такая крайность извинительна. Но вот что непостыжительно: попъ жалованья не получаетъ, а подъячій живеть на хорошемъ жалованьи и можетъ жить безбѣдно. Попъ беретъ за работу и, взявъ, дѣло исполняетъ, а подъячій—не далъ ему, говоритъ не станеть; сегодня далъ, и на-завтра ждетъ такой же подячки, а прежняя четка не въ почетку“. Само духовенство понимало, какъ установившійся въ консисторіяхъ порядокъ вредить и духовному сану, и правильному отправленію высшихъ обязанностей, соединенныхъ съ этимъ саномъ. Въ лицѣ одного губернскаго протопопа и члена консисторіи Стахий изображаетъ защитника духовенства отъ непосильныхъ поборовъ консисторіи. Искоренить вопіющее зло онъ, конечно, не могъ, но, по крайней мѣрѣ, ограничилъ его установленіемъ определенной таксы, которая тоже очень характерна и по-казываетъ, чего успѣлъ достигнуть протопопъ въ искорененіи взяточничества, получившаго громадныя размѣры и среди чиновниковъ духовнаго вѣдомства. Вообще, Стахий съ сочувствіемъ относится къ духовному сословію, быть можетъ—и потому, что изъ среды его самъ происходилъ.

Считаемъ теперь не лишнимъ разсказать судьбу „Записокъ Стахія“. Эти записки, въ ихъ подлинномъ видѣ, долго хранились въ родѣ Львовыхъ; изъ этого же рода, какъ увидимъ ниже, происходилъ и самъ Стахий. Одинъ изъ представителей этого рода, умершій въ прошломъ году, священникъ Гжатскаго уѣзда о. Алексѣй Львовъ имѣлъ у себя подлинныя „записки Стахія“ до 1890 года. О. Алексѣй ссылается на нихъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи прихода села Клушина, Гжатскаго уѣзда“²⁾. Въ 1885 г., по желанію Преосвященнаго Нестора, бывшаго

²⁾ См. Смол. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 17.

епископа Смоленскаго (нынѣ первый викарій Московской епархіи), священникъ Львовъ сдѣлалъ извлеченіе изъ записокъ Стахія и представилъ Преосвященному. Преосвященный Несторъ на докладѣ свящ. Львова объ исполненіи порученія на счетъ записокъ Стахія написалъ: „18 января 1885 года. Въ Епархіальную бібліотеку. Внести въ отдѣлъ рукописей такъ: „Извлеченіе изъ рукописи Стахія XVIII в.“. Мы не можемъ указать, интересовался ли кто либо этою рукописью послѣ ея поступленія въ Епархіальную бібліотеку братства преп. Аврамія, но когда намъ пришлось познакомиться съ нею, то она показалась намъ въ указанномъ выше отношеніи интересною ²⁾. Явилось естественное желаніе познакомиться съ оригиналомъ записокъ Стахія, и мы обратились къ священнику Львову съ просьбою прислать подлинную рукопись. Въ своемъ письмѣ о. Львовъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить нашей просьбы, потому что подлинныя записки Стахія сгорѣли въ 1890 г.; вмѣстѣ съ ними погибли и нѣкоторые другіе памятники старины. По словамъ о. Алексѣя, подлинная рукопись записокъ Стахія „заключала въ себѣ до 400 четвертушекъ обыкновенной бумаги, съ чистою отдѣлкою слога того времени“. Такимъ образомъ, извлеченіе изъ записокъ Стахія составляетъ лишь незначительную часть подлинника. Въ слогѣ извлеченія уже замѣтно поновленіе и приспособленіе къ современному.

Священникъ Львовъ, въ качествѣ предисловія къ запискамъ Стахія, помѣстилъ краткую записку о происхожденіи рода Львовыхъ, онъ указываетъ въ ней родоначальника и послѣдующихъ его потомковъ до Стахія включительно. Эта краткая записка составлена братомъ Стахія, Стефаномъ Льво-

²⁾ Въ настоящее время рукопись передана въ Смоленскій Церковно-Археологическій Комитетъ.

вымъ. Изложивъ родословную Львовыхъ на основаніи записки Стефана Львова, о. Алексѣй дѣлаетъ такое замѣчаніе: „о родѣ нашемъ даетъ Стахій тѣ же свѣдѣнія, какія и Стефанъ... Стахій пополняетъ свѣдѣнія Стефана брата своего только тѣмъ, что, при учрежденіи Гжатской пристани, выстроена была первая церковь деревянная и наименована Благовѣщенскою; впоследствии же—каменная, названная соборною“.

Записка Стефана Львова даетъ слѣдующія свѣдѣнія о предкахъ Стахія.

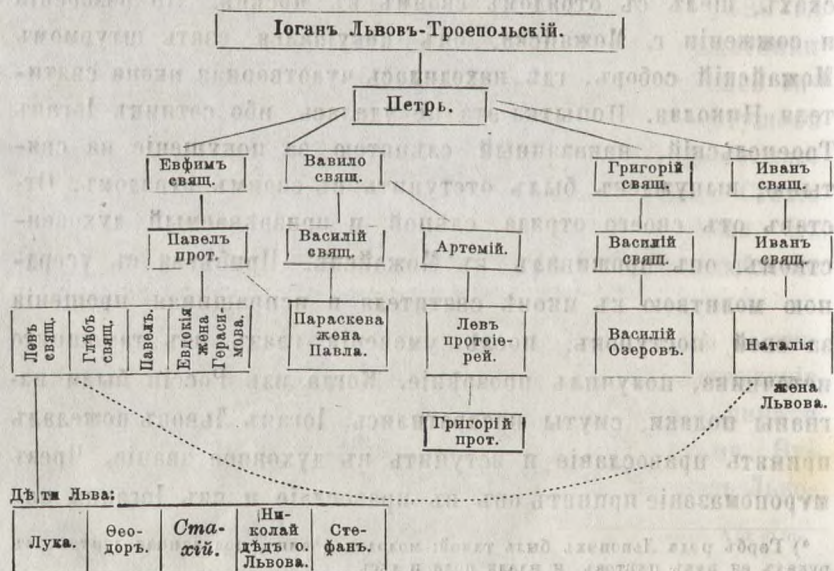
Въ несчастную годину для Россіи, годину междуцарствія и такъ называемаго литовскаго разоренія, когда литовцы и поляки разоряли Русь отъ Смоленска до Москвы, родоначальникъ Львовыхъ, Іоаннъ Львовъ Тронопольскій, изъ г. Триполя, литвинъ по происхожденію и шляхетскаго званія ⁴⁾, по вѣрѣ католикъ, состоя сотникомъ въ польскихъ войскахъ, шелъ съ отрядомъ своимъ въ Москвѣ. По разореніи и сожженіи г. Можайска, онъ покушался взять штурмомъ Можайскій соборъ, гдѣ находилась чудотворная икона святителя Николая. Попытка эта не удалась, ибо сотникъ Іоанъ Тронопольскій, наказанный слѣпотою за покушеніе на святиню, вынужденъ былъ отступить съ своимъ отрядомъ. Отставъ отъ своего отряда, слѣпой и призрѣваемый духовенствомъ, онъ проживалъ въ Можайскѣ. Прибѣгая съ усердною молитвою къ иконѣ святителя и испрашивая прощенія за свой поступокъ, послѣ умовенія глазъ изъ тамошняго источника, получилъ прозрѣніе. Когда изъ Россіи были изгнаны поляки, смуты прекратились, Іоанъ Львовъ пожелалъ принять православіе и вступить въ духовное званіе. Черезъ муропомазаніе принять онъ въ правослаіе и изъ Іоанна на-

⁴⁾ Гербъ рода Львовыхъ былъ такой: молодая дѣвица, повязанная лентою, въ рукахъ ея кузь дѣтвовъ, и вдали поле и лѣсъ.

именованъ Іоанномъ. Женился онъ на Смоленской шлях-
тянкѣ, изъ рода Огонь-Догановскихъ; сначала проходилъ
низшія церковныя должности, а потомъ посвященъ въ санъ
священника святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никити-
чемъ.

У него отъ этого брака родился сынъ Петръ. Отъ него
произошли два брата, бывшіе священниками: Евѳимій и Ва-
вила. Отъ Евѳимія—протоіерей Павелъ Евѳимовичъ, всту-
пившій въ бракъ съ дочерью своего двоюроднаго брата
свещ. Власія, сына Вавилы. У протоіеря Павла было нѣ-
сколько сыновей, изъ которыхъ Левъ и былъ отцомъ Стахія
и Стефана Львовыхъ ⁵⁾. Протоіерей Павелъ Евѳимовичъ
былъ первымъ священникомъ при Гжатской пристани, устро-
енной по повелѣнію Петра Великаго. При учрежденіи въ

*) Въ поясненіе записки Стефана Львова о родѣ Львовыхъ приложено нагляд-
ное изображеніе такого вида:



Гжатскѣ пристани, здѣсь устроена была деревянная Благовѣщенская церковь, на мѣсто которой трудами и тщаніемъ протоіерейя Павла Евѣимовича была сооружена каменная Благовѣщенская церковь, именовавшаяся соборною. Разсказомъ объ учрежденіи въ Гжатскѣ пристани и начинаются записки Стахія Троепольскаго. О годѣ кончины Стахія мы не имѣемъ свѣдѣній.

(Продолженіе будетъ).

Записки Стахія Львова-Троепольскаго.

(Продолженіе *).

Съ чисто исторической точки зрѣнія въ запискахъ Стахія обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, рассказъ объ устроеніи въ г. Гжатскѣ пристани, которая возникла по личному повелѣнію Императора Петра Великаго. Цѣль ея основанія была та, чтобы воднымъ путемъ легче доставить изъ украинскихъ городовъ необходимые для строящагося

*) См. № 6 Смол. Епарх. Вѣд.

Петербурга съѣстные продукты и матеріалы для строенія кораблей: лѣсъ, пеньку, сало, щетину и проч. Гжатская пристань заняла очень удобное мѣсто, на границахъ трехъ губерній: Московской, Смоленской и Калужской, въ 160 верстахъ отъ Москвы, на трактѣ изъ Смоленска. Изъ Украйны были вызваны тогда 25 купеческихъ фамилій, поселившихся двумя слободами близъ вновь устроенной Гжатской пристани. Эти купцы и положили начало торговому благосостоянію г. Гжатска и содѣйствовали его процвѣтанію.

Будучи въ военной службѣ, Стахій былъ свидѣтелемъ московскаго бунта во время чумы, 15 сентября 1771 г. Хотя онъ и не былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ моментовъ этого бунта, но могъ имѣть достовѣрныя извѣстія о нихъ отъ своихъ сослуживцевъ. Любопытенъ, напр., у него разсказъ о поводѣ къ бунту—снятіи Боголюбской иконы Божіей Матери съ Варварскихъ воротъ.

Какъ извѣстно, къ явному обнаруженію неудовольствія московской черни во время чумы послужило то обстоятельство, что народъ съ самаго начала враждебно отнесся къ карантиннымъ мѣрамъ и сталъ искать спасенія отъ заразы въ своемъ религіозномъ чувствѣ. При такомъ настроеніи народномъ, выдуманная кѣмъ-то легенда о наказаніи, постигшемъ Москву за непочитаніе Боголюбской иконы на Варварскихъ воротахъ, нашла для себя удобную почву и, съ быстротою молніи, сдѣлалась общенароднымъ достояніемъ. Начались у Варварскихъ воротъ непрерывныя молебны, содѣйствовавшія скопленію массъ и усиленію чумы.

Какимъ образомъ создалась легенда о Боголюбской иконѣ? Кто ее выдумалъ, распространилъ въ народъ и съ какою цѣлью? Источники о московскомъ бунтѣ во время чумы, официальные и неофициальные, повидимому удостовѣряютъ, что какой-то фабричный выдумалъ ложное сонное ви-

дѣніе, а духовенство съ корыстною цѣлью воспользовалось этою выдумкою и распространило ее въ народѣ. Въ письмѣ къ А. Библикову Императрица Екатерина, описывая происшествія московскаго бунта, говоритъ: „хавжи выдумали народъ лечить чудесами образа надъ Варварскими воротами. Тутъ тѣсны черни молящейся пуще заразились, и во время того богомолья по 900 человекъ на день мерло“⁶⁾. Слово „хавжи“ еще довольно неопредѣленное, и подъ нимъ можно разумѣть какъ духовенство, такъ и народъ. Въ другомъ документѣ, писанномъ Императрицею нѣсколько позже, выражается то мнѣніе о выдумкѣ чуда, которое (мнѣніе) потомъ стало общепринятымъ. Когда Императрица задумала послать въ Москву, на смѣну графа Орлова, князя Волконскаго, то въ наставленіи этому новому начальнику предварительно разсказана исторія московской чумы и бунта, отъ нея происшедшаго. „Таково-то было состояніе сего несчастнаго города, въ которомъ одна часть людей была въ отчаяніи, а другая, по горячей нашего народа привязанности къ вѣрѣ, о коей однако мало имѣла прямого ученія, ожидала съ небеси чудесъ къ своему спасенію, которыхъ и думала найти. По свидѣнію нѣкоторыхъ, можетъ быть — простодушныхъ, или же и корыстолюбивыхъ людей, у Варварскихъ воротъ, у образа тамъ издавна поставленнаго, сіе богомоліе стало чрезмѣрно умножать прилипчивую болѣзнь“⁷⁾... Намекъ, что, по свидѣнію нѣкоторыхъ, начались сборища народныя у Варварскихъ воротъ для моленія предъ иконою, ясно показываетъ, что и сама Императрица была убѣждена въ выдумкѣ свидѣнія какимъ-то фабричнымъ. Это вполне естественно, потому что предъ прїѣздомъ кн. Волконскаго въ Москву Сенатъ уже произнесъ свое заключеніе по дѣлу

⁶⁾ Сборникъ Рус. Импер. Ист. Общ., т. XIII, стр. 180.

⁷⁾ Сборн. Рус. Импер. Ист. Общ., т. XIII, стр. 192.

о бунтѣ и осудилъ главныхъ его виновниковъ. Въ сентенціи же Сената почти откровенно говорится, что главными виновниками распространенія въ народѣ „суевѣрія“, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ бунтъ, были нѣкоторые духовныя лица съ своими сподручниками: солдатомъ Бяковымъ и фабричнымъ Ильею Аванасьевымъ. „Здѣсь видимъ солдата Бякова и фабричнаго Илью Аванасьева, каждаго отвергнувшаго свой крестъ, т. е., свое званіе, предавшихъ лицемѣрству и сребролюбію, сдѣлавшихся собирателями стяжанія Божіей Матери...; видимъ сихъ самозванцевъ, по мѣрѣ пріобрѣтаемаго стяжанія, обратившихъ большое на себя вниманіе. Видимъ нѣкоторыхъ изъ духовенства, имени сего и своего, впрочемъ весьма почитаемаго сана, недостойныхъ, презирающихъ слѣпоту людскую съ мерзкою предъ Всевидящимъ радостію, богослуженіе въ торжище обратившихъ, и руки къ пріятію гнусной мзды простирающихъ“^{*)}...

Неофициальные источники, какъ напр., рассказы и воспоминанія современниковъ, говорятъ то же самое. Особенно важнымъ въ этомъ случаѣ авторитетомъ пользуется рассказъ Бантышъ-Каменскаго, племянника убитаго во время бунта Московскаго архіепископа Амвросія. По его свидѣтельству, народъ, негодуя на принятые распорядительною комиссіею мѣры противъ чумы, какъ-то: карантинныя, запечатаніе бань и проч., искалъ спасенія отъ бѣдствія въ религіи. Попы, безъ дозволенія архіерея, учредили крестные ходы по приходамъ, но чума еще больше увеличилась. Эти крестные ходы, по приказанію архіерея, были оставлены. Тогда „праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ началѣ сентября пошъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Буличихахъ, выдумалъ чудо съ помощію фабричнаго. На Варварскихъ воротахъ *древній* былъ боль-

^{*)} Соловьевъ. Исторія Россіи, гл. XXIX, стр. 174—175.

шой образъ Боголюбскія Богоматери. Вдругъ начались тутъ молебны и всенощныя: чудо выдумано такое, которое ни съ величествомъ Божиимъ, ни съ вѣрою, ниже съ разумомъ не согласно: будто фабричный пересказывалъ попу, что видѣлъ онъ во снѣ Богоматерь, вѣщающую къ нему такъ: что по-неже 30 лѣтъ прошло, у ея на Варварскихъ воротахъ образа не токмо никто не пѣлъ николи молебна, ниже поставлена была свѣча, то за сіе Христось хотѣлъ послать на городъ каменный дождь, но она упросила, дабы трехмѣсячный былъ моръ. Не токмо чернь, но и купечество, а особливо женскій полъ, слушая таковыя рассказы фабричнаго, присѣдающаго у Варварскихъ воротъ и собирающаго деньги съ провозглашеніемъ: „порадѣйте, православныя, Богоматери на всемірную свѣчу“, — взапуски старались изъяснить набожность. Мерзвіе возлы (и попами ихъ грѣхъ называть), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не богомолье“⁹⁾. Хотя у Бантышъ-Каменскаго и не названы имена измыслившихъ чудо, но это умолчаніе не имѣетъ особенной важности: смыслъ рассказа очевиденъ, что чудо измыслили все-святскій священникъ и фабричный. У Болотова, въ его запискахъ, проведенъ тотъ же взглядъ, что и у Бантыша-Каменскаго, съ указаніемъ самыхъ именъ виновниковъ выдумки. Болотовъ почти буквально повторяетъ рассказъ Бантышъ-Каменскаго, только съ небольшими измѣненіями. „Надобно было бездѣльникамъ выдумать чудо... Орудіемъ тому были двое: одинъ — гвардейскаго Семеновскаго полка солдатъ Савелій Бяковъ, а другой — фабричный Илья Аванасьевъ. Бездѣльники сіи, при вспоможеніи одного попа отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкѣ, выдумали чудо... Какъ ни груба и ни глупа была сія баснь, и какъ ни легко

⁹⁾ Древняя и новая Россія 1875 г., т. 2, стр. 113—114.

можно было всякому усмотрѣть, что выдуманна она самымъ невѣждой и глупцомъ, однако не только чернь, но и купцы тому повѣрили, а особливо женщины, по извѣстному и отъвѣнному ихъ усердію къ Богоматери и приверженности ко всемъ суевѣріямъ. А жадные къ корысти попы... производили торжище, ибо всякій для спасенія живота своего не жалѣлъ ничего, а давалъ все, что могъ, добиваясь только службы, или подавалъ подаеніе. Отъ сего натурально должно было произойти то слѣдствіе, что во всё время дня и ночи подлѣ воротъ сихъ находилась превеликая толпа народа; а денежныхъ приношеній накидано было отъ него цѣлый сундукъ, тутъ же подлѣ образа стоящей¹⁰⁾... Въ число главныхъ зачинщиковъ бунта Болотовъ включаетъ также и плацъ-маіора, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Стахій, въ своемъ разсказѣ о московскомъ бунтѣ, по вопросу о первоначальномъ источникѣ легенды о Боголюбской иконѣ Божіей Матери, даетъ слѣдующее интересное свидѣніе. „Въ полный разгаръ чумы, говоритъ онъ, пронеслась молва, что образъ Богоматери Боголюбской, что на Варварскихъ вратахъ, можетъ исцѣлить отъ заразы всѣхъ прибѣгающихъ къ оному съ усердною молитвою. Молва въ исцѣлительную силу иконы будто бы основывалась на древнихъ записяхъ, кои нашлись, и въ которыхъ сказано, что въ царствованіе Дмитрія Іоанновича, при бывшей въ то время въ Москвѣ чумѣ, духовенство учредило крестные ходы къ сему образу; молили Заступницу о помилованіи погибающаго народа, и зараза прекратилась. Никто не зналъ, отъ кого взялась сія молва, но она сдѣлалась общественною въ Москвѣ. Народъ великими толпами стекался къ Варварскимъ воротамъ для служенія молебновъ и, наконецъ, собралось такое множество народа, что священники не управ-

¹⁰⁾ Рус. Вѣст. т. 178, стр. 506.

лялись служеніемъ молебновъ, и по Варварской улицѣ невозможно было ни проѣхать, ни пройти“. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ никакого упоминанія о снѣ фабричнаго, а указана совсѣмъ иной источникъ легенды.

Эта новая версія относительно источника создавшейся во время чумы легенды насчетъ Боголюбской иконы заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Если вѣрно, что легенда возникла на основаніи какихъ-то древнихъ записей, то нужно предположить, что первую ссылку на эти записи сдѣлалъ какой-либо грамотный человѣкъ. Въ записяхъ говорилось, что старинная Боголюбская икона Божіей Матери еще въ давнія времена, въ княженіе Дмитрія Іоанновича, спасла Москву отъ такого бѣдствія, какое постигло ее и теперь. Ссылкою на древнія записи имѣлось въ виду достигнуть сразу двухъ цѣлей: возбудить народную вѣру въ исцѣлительную силу иконы и привлечь его вниманіе къ старинному образу Боголюбской Божіей Матери. Кто же первый пустилъ въ обращеніе эту молву? Такъ какъ въ запискахъ Стахія не говорится, кто именно, то естественно было бы предположить, что ссылавшійся на древнія записи о Боголюбской иконѣ былъ кто-либо изъ духовныхъ лицъ, которому было интересно возобновить бывшіе прежде крестные ходы, ради чисто матеріальныхъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ это предположеніе отчасти совпадало бы съ показаніемъ современниковъ, что чудо выдумалъ священникъ церкви у Всѣхъ Святыхъ. Но здѣсь странно все-таки то обстоятельство, что указаніе было сдѣлано на *старинную* икону, которая доселѣ ничьего вниманія не обращала и находилась на воротахъ, а не въ церкви. Въ двухъ официальныхъ донесеніяхъ о Московскомъ бунтѣ есть одно важное заключеніе о виновникахъ бунта, дающее, повидимому, удовлетворительное объясненіе, по чьей инициативѣ Боголюбская икона сразу привлекла къ

себѣ народное вниманіе. Еронкинъ, донося Императрицѣ объ убіеніи архіепископа Амвросія и разбитіи карантинныхъ домовъ, говорить: «въ злодѣйствѣ семъ находились боярскіе люди, купцы, подъячіе и фабришники, а особливо раскольщики, разсваяя плевелы, что они стоятъ за Богородицу, нашедъ образъ на Варварскихъ воротахъ, сказывая, что онъ явленный, къ которому толпами ходятъ молиться»¹¹⁾. Отъ 21 сентября гр. Салтыковъ тоже доноситъ Императрицѣ: «наставникъ и главный вожакъ» долженъ быть изъ раскольщиковъ, потому что они всегда противились карантину, да и что примѣчанія достойно, и что церковь архіерейская вся разорена, и утвары разбита и разметана»¹²⁾. Таковымъ образомъ изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что именно раскольники первые распустили въ народѣ молву, что Боголюбская икона есть явленная, что доуже въ древнія времена она отвратила гнѣвъ Божій отъ Москвы и избавила отъ чумы. Для большей убѣдительности своихъ рѣчей они могли ссылаться и на древнія записки объ этѣй иконѣ. Народъ зналъ, что раскольники люди грамотные и, ища спасенія отъ бѣдствія въ религиозномъ чувствѣ, похотнѣ схватился за предлагаемую помощь отъ иконы Боголюбской Божіей Матери. Раскольникамъ же жъ удобно было прикрыться авторитетомъ старыхъ записей, изъ которыхъ ясно будто бы открывалась и причина бѣдствія, постигнаго Москву (уничтоженіе въ иконѣ крестныхъ ходовъ) и предлагалось вѣрное средство для избавленія отъ него. При этомъ раскольники (въ частности едосѣвцы), пользуясь народнымъ бѣдствіемъ, стремились достигнуть и своихъ скрытыхъ цѣлей. Если бы не случилось бунта, и чума отъ холодовъ ли, или же какихъ-либо другихъ причинъ прекратилась, то это было бы

¹¹⁾ Древняя и новая Россія, 1875 г., т. 2, стр. 117.

¹²⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи т. XXIX, стр. 167.

для нихъ цѣлымъ торжествомъ. Простой народъ долженъ былъ бы убѣдиться, что старая вѣра лучше никоніанской, ибо только по молитвамъ предъ старымъ образомъ городъ избавился отъ бѣдствія. Кромѣ того, когда въ массахъ народныхъ было возбуждено сильное религіозное чувство, то раскольникамъ легко было довести его до фанатизма и натравить толпу на убійство своего врага, архіепископа Амвросія. Есть извѣстіе, что одинъ изъ убійць московскаго архипастыря былъ купецъ, раскольникъ Ѳедосѣевской секты Иванъ Димитріевъ. Ѳедосѣевцы же были особенно недовольны на архіепископа Амвросія и за то, между прочимъ, что, когда они хотѣли, подъ видомъ карантина, „основать на подобіе поморскаго монастыря свою киновію“, то „извѣстившись о семъ, бывшій тогда московскій архіепископъ Амвросій покусился было возбранить сему начинанію, ибо онъ предвидѣлъ могущія произойти изъ того дурныя слѣдствія“¹³). Представленія архіерея не имѣли успѣха, изъ заведеннаго Ѳедосѣевцами карантина возникло знаменитое Преображенское кладбище, однако легко могло случиться, что, по окончаніи чумы, архіерей успѣлъ бы добиться своего.

На самомъ дѣлѣ, въ убіеніи московскаго архіепископа раскольники, по свидѣтельству современниковъ, принимали дѣятельное участіе. Это можно видѣть изъ приведенныхъ выше донесеній графа Салтыкова и Еропкина. Описывая разграбленіе Чудова монастыря, одинъ безыменный лѣтописецъ бунта говоритъ: „видны были и раскольники: въ кельяхъ архіерейскихъ картины живописныя порѣзаны, другія части повырѣзаны, глаза повыкопаны, а старинныя всѣ побраны. На стѣнѣ написано въ кельяхъ: *погибе память его съ шумомъ*“¹⁴). Въ рассказъ прот. Алексѣева представлена

¹³) Прот. Андрей Іоаннова. Цѣлое историческое извѣстіе о древнихъ строгоникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, стр. 112.

¹⁴) Древняя и новая Россія. 1875 г., т. 2, стр. 114.

точно такая же картина разгрома: „грабили монастырь (Чудовъ) безъ пощады, особливо въ келліяхъ архіерейскихъ растащили, что кому поبالося, и продолжали оное грабительство цѣлыя сутки... съ великимъ буянствомъ, нося оттуда книги, деньги, платы, картины, посуду всякаго рода, постели, въ томъ числѣ и вѣнцы съ образовъ, сосуды священные, панагіи, пелены и проч.“¹⁵⁾. По поводу этого разгрома Чудова монастыря В. Θ. Ливановъ замѣчаетъ: „фанатизму *пустосвятовъ* (раскольниковъ), считающихъ все священное у православныхъ со временъ Никона *оскверненнымъ* (курс. подл.), здѣсь было поприще самое свободное“¹⁶⁾. Предъ моментомъ смерти, когда архіеп. Амвросій обратился къ своимъ убійцамъ съ рѣчью и кротко отвѣчалъ на ихъ вопросы, зачѣмъ установлены карантинны и проч., толпа видимо нѣсколько образумилась и присмирѣла. „Но врасно-рѣчивыя слова кроткаго архипастыря не могли заглушить фанатической ненависти раскольниковъ-пустосвятовъ, — ненависти религиозной, *самой опасной* (курс. подл.) въ минуты какихъ-либо неурядицъ государственныхъ, что доказала уже исторія всѣхъ религиозныхъ смуть въ Европѣ... Раскольникъ едосѣвской секты Иванъ Димитріевъ выступилъ тутъ на сцену главнымъ между прочими убійцами и увлекъ въ этотъ моментъ другихъ. Толпа, какъ и всегда бываетъ, забывъ свое раскаяніе, снова опрокинулась на страдальца“¹⁷⁾. „Ты ли послалъ грабить Богородицу?“ — допрашивали убійцы Амвросія. „Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ у церкви? Ты ли присудилъ забирать насъ въ карантинны? И кто съ тобой въ этой думѣ за одно?“¹⁸⁾. Здѣсь мы видимъ тѣсную связь факта убіенія архіепископа

1) Древняя и новая Россія. 1875 г., т. 2, стр. 110—111.

16) Ливановъ. Раскольники и острожники. Т. 3, стр. 5.

17) Тамъ же, стр. 6.

18) Древняя и новая Россія. 1875 г., т. 2, стр. 111.

съ тѣми его распоряженіями, какія были имъ сдѣланы для прекращенія заразы. Онъ издалъ особое наставленіе священникамъ, чтобы они, исповѣдывая больныхъ, къ нимъ не прикасались, а исповѣдывали бы черезъ двери, или окна, а равно такимъ же образомъ приобщали бы ихъ; чтобы, при крещеніи дѣтей, не брали ихъ въ руки и не погружали въ воду, а велѣли бы дѣлать это погруженіе повивальной бабкѣ, да и волосы бы у крещаемыхъ не постригали; чтобы, наконецъ, умершихъ не отпѣвали ни на дому, ни въ церкви и даже не вносили бы ихъ въ церковь, а прямо отправляли бы на владбище. „Распоряженіе Амвросія, говоритъ Мордовцевъ, было истолковано чернью, а особенно раскольниками, какъ еретическое, богопротивное. Распоряженіе это стоило Амвросію жизни“ ¹⁹⁾... „Раскольники и чернь, говоритъ Бантышъ-Каменскій, негодовали на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, непогребеніе мертвыхъ... Попы не столько для святости, сколько для корысти, учредили по приходамъ, безъ дозволенія на то пастырскаго, ежедневные крестные ходы; народъ отъ сихъ ходовъ и нуще заражался... Попы, увидя напоследокъ, что отъ ходовъ сами начали умирать, какъ имъ отъ архіерея и предсказываемо было, бросили хожденіе“ ²⁰⁾.

(Продолженіе будетъ).

Записки Стахія Львова-Троєпольскаго.

(Продолженіе *).

Весьма понятно, почему среди черни все болѣе и болѣе разросталось негодованіе противъ архіерея, лишаящаго народъ религіознаго утѣшенія въ бѣдствіи—молитвы. На та-

*) См. № 8 Смол. Епарх. Вѣд.

кой подготовленной почвѣ раскольникамъ было весьма удобно посѣять слухъ, что старинный образъ Боголюбской Богоматери спасетъ народъ отъ бѣдствія, и толпы повалили къ Варварскимъ воротамъ служить молебны. Столь же легко было возбудить толпу къ открытому бунту, когда отъ плацъ-маіора узнали, что 15 сентября архіерей намѣренъ снять икону и отнять народныя пожертвованія. Въ числѣ другихъ, а можетъ и болѣе всѣхъ прочихъ, раскольники должны были негодовать на распоряженіе архіерея относительно образа на Варварскихъ воротахъ. Легко было создать въ народѣ мнѣніе объ архіереѣ, какъ объ еретикѣ и иконоборцѣ. Одинъ проповѣдникъ, говорившій слово въ годовщину смерти Амвросія, такъ говоритъ какъ бы отъ лица почившаго владыки: „я старался освобождать васъ отъ оковъ заблужденій, паче же суевѣрія, а вы называли меня невѣрнымъ. Я всевозможную ревность оказывалъ къ созиданію храмовъ Божіихъ и то въ возобновеніи, то въ написаніи иконъ святыхъ, а вы называли меня иконоборцемъ“ ²¹⁾. Другой проповѣдникъ, говорившій рѣчь при погребеніи Амвросія, префектъ московской академіи, еще выразительнѣе намекаетъ, что убіеніе архіепископа было подготовлено руками суевѣровъ и пусто-святотъ, „пригвожденныхъ къ наружнымъ святынямъ и въ нихъ единственно спасенія ищущихъ“. „Когда онъ, яко истинный христіанинъ, слѣдуя внушенію евангельскаго ученія, повинуваясь монаршимъ повелѣніямъ и сообразуясь съ здравымъ разумомъ, не соглашался на безплодныя хотѣнія и дѣла суевѣровъ..., тогда, силою суевѣрія, пригвожденные къ наружнымъ святынямъ и въ нихъ единственно спасенія ищущія, сердца исполнялись на него ярости, роптанія, поношенія, клеветы и искали его самой столь полезной для общества жизни“... „Разграбленіе не особеннаго токмо, об-

²¹⁾ Древняя и Новая Россія, 1875 г., т. II, стр. 123.

ращается проповѣдникъ къ убійцамъ, но и общаго имѣнія, опустошеніе обители, раздробленіе святыхъ иконъ и потоптаніе самыхъ освященнѣйшихъ даровъ.. не проповѣдуютъ ли васъ худшими язвѣниковъ и самыхъ варваровъ, яко николиже почитаемые собою за свято тако посправныхъ²²⁾? Раскольникамъ едосѣвцамъ, ненавидящимъ вообще всякое священство, а тѣмъ болѣе—никоніанское, не могло казаться преступленіемъ даже поправіе св. даровъ, освященныхъ руками еретиковъ, и еще менѣе того—разбитіе иконъ и опустошеніе обители.

Если, такимъ образомъ, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ выходитъ, что раскольники первые разгласили чудо объ иконѣ Боголюбской Богоматери, то какъ же согласить съ этимъ показанія Бантышъ-Каменскаго и Болотова, что виновниками выдумки были всесвятскій священникъ и фабричный? С. М. Соловьевъ, приводя рассказъ Бантышъ-Каменскаго о всесвятскомъ священникѣ и фабричномъ, говоритъ: „замѣтимъ здѣсь одно, что доказательствъ выдумки чуда священникомъ, а не самимъ фабричнымъ, нѣтъ; обвиненіе остается голословнымъ“²³⁾. Дѣйствительно, фабричный могъ дѣйствовать сначала и независимо отъ духовенства. Когда въ народѣ пошли толки, пущенные раскольниками, что образъ Боголюбской Богоматери дастъ избавленіе городу отъ чумы, то и фабричный, прислушавшись къ этимъ толкамъ, выдумалъ сонное видѣніе, чтобы больше усилить вѣру въ народѣ въ исцѣляющую силу Боголюбской иконы. Дѣйствовалъ ли онъ самъ по себѣ, или же подъ вліяніемъ другихъ, опредѣлить трудно. Замѣчательно совпаденіе смысла фабричнаго съ содержаніемъ древнихъ записей о Боголюбской иконѣ. По словамъ фабричнаго, Богоматерь нака-

²²⁾ Древняя и Новая Россія, 1875 г., т. II, стр. 122.

²³⁾ Соловьевъ, XXIX, стр. 161.

зала городъ за то, что никто въ продолженіе 30 лѣтъ не служилъ молебна и свѣчи не поставилъ предъ Ея Боголюбской иконой. По древнимъ записямъ, Боголюбская икона, 400 лѣтъ назадъ, избавила Москву отъ чумы, и въ благодарность за избавленіе были учреждены въ иконѣ крестные ходы. Эти ходы потомъ прекратились, ergo чума и постигла городъ за ихъ уничтоженіе. Такимъ образомъ, всесвятскому священнику нечего было выдумать отъ себя, а оставалось воспользоваться уже готовымъ религіознымъ настроеніемъ.

Внѣ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ московскаго духовенства воспользовались необычнымъ подъемомъ у народа религіознаго чувства и для своекорыстныхъ цѣлей. Такимъ, напр., выставленъ священникъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкѣ. Волотовъ прямо говоритъ, что этотъ священникъ дѣлился сборами денежными у Боголюбской иконы съ плацъ-маіоромъ.

Духовенство, недовольное распоряженіями архіепископа Амвросія объ отиѣнѣ крестныхъ ходовъ по приходамъ, было очень радо воспользоваться случаемъ служенія молебновъ у Варварскихъ воротъ. Быть можетъ, всесвятскій попъ первый и началъ служить здѣсь молебны. Фабричный своими возгласами: „порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу“, привлекалъ къ Варварскимъ воротамъ цѣлыя массы. Пожертвованія рѣкою лились въ поставленныя кружки, а духовенство не успѣвало служить молебновъ (Стахий). Вдругъ разносится слухъ, что ненавидный и народу и духовенству архіерей собирается снять икону и отобрать деньги. Естественно, что, по поводу этого слуха, возбуждается сильнѣйшее негодованіе противъ предполагаемой мѣры и у народа и у духовенства. Раскольники тутъ же подъ рукою распускаютъ слухъ, что архіерей иконоборецъ, злѣйшій еретикъ, котораго надо убить. Составляется, такимъ образомъ,

планъ противодѣйствія властямъ (къмъ именно, неизвѣстно) и уничтоженія ненавистныхъ народу карантиновъ. Плац-майоръ, какъ увидимъ ниже, явился однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ подготовленіи бунта. Что этотъ планъ дѣйствій во время предполагаемаго бунта былъ составленъ заранѣе, на это указано и въ докладѣ слѣдственной комиссіи. „Изъ подсудимыхъ, говорится здѣсь, не только тѣ, кои въ отвѣтахъ своихъ показывали о повѣсткахъ, чинимыхъ имъ отъ полицейскихъ служителей въ самое время бывшаго происшествія, дабы бѣжали въ Кремль, а и другіе упоминали о томъ, что слышали прежде за нѣсколько дней, что будутъ повѣстки, или если услышатъ набатный колоколъ или пушечный выстрѣлъ, тогда-бъ бѣжали въ Кремль; но отъ кого сіе слышали, не показали“ ²⁴⁾. Рѣшено было заранѣе разставить на колокольняхъ звонарей, чтобы по условному знаку произвести набатъ. „Бунтовщики, говоритъ прот. Алексѣевъ, послали своихъ на колокольню церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишнѣ, и ударили въ набатъ; также и на другихъ окрестныхъ церквей колокольняхъ, отъ чего тревога пошла по всему городу“ ²⁵⁾. А по словамъ Вантышъ-Каменскаго, всехвятскій священникъ „вооружилъ всѣхъ кузнецовъ у Варварскихъ воротъ, въ ихъ кузняхъ находившихся, и ожидалъ съ ними и другими людьми уже въ готовности вступить съ посыльными (архіерея) въ самый бой“ ²⁶⁾. „По набату, особливо городевому, и по трещоткамъ, на то по тайнымъ давно учиненнымъ отъ бунтовщиковъ повѣсткамъ, сбѣжалось безчисленное множество черни съ топорами, кольями, камнями, кистенями и другими разбойническими орудіями, и пошли наряднымъ дѣломъ къ Чудову монастырю

²⁴⁾ Соловьевъ, ХХІХ, стр. 173.

²⁵⁾ Древняя и Новая Россія, 1875 г., т. II, стр. 110.

²⁶⁾ Русск. Вѣст. т. 173, стр. 508.

съ великимъ азартомъ, грозя убитъ архіерея и какихъ-то трехъ енараловъ“²⁷⁾.

Если эти сообщенія вполнѣ вѣрны, то нельзя отрицать ближайшаго участія въ бунтѣ всехсвятскаго священника. „Едва ли было дѣломъ случая, говорить проф. Врикнеръ, что сигналъ къ бунту былъ данъ на колокольнѣ той самой церкви, священника которой обвиняли въ корыстолюбіи“... „Набатный бой едва ли могъ раздаться безъ нѣкотораго участія духовенства. А между тѣмъ именно въ этомъ сигналѣ къ бунту проявляется, если мы не ошибаемся, какая-то система въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ зачинщиковъ, успѣвшихъ избѣжать суда“²⁸⁾. Допустимъ, что была начертана напередъ система бунта, но еще, все-таки, остается вопросъ открытымъ, кто именно заправили бунта, начертавшіе довольно грандіозный планъ. Почему непременно ими были священники? Потому ли только, что они лишались дохода отъ служенія молебновъ? Какъ ни были корыстолюбивы эти священники, какъ ни возмущены были они противъ архіерея, едва ли они рискнули двинуть народъ къ совершенію убійства своего архипастыря? Въ сентенціи сената по дѣлу о бунтѣ духовенство обвиняется только въ корыстолюбіи, которое было причиною поддержанія въ народѣ суевѣрія, но не указано, чтобы духовенство подстрекнуло народъ къ убійству архіерея. Здѣсь даже выражается удивленіе, почему толпа народа, считавшагося всегда набожнымъ, вдругъ такъ озвѣрѣла, что презрѣла даже законы богопочтенія: „видимъ... великое множество народа на спасительные ему законы возстать дерзающаго, и, что злѣе, преступленіями своими, святотатствомъ и священноубійствомъ торжествующее“²⁹⁾. Вѣроятнѣе всего тутъ предположить, что въ томъ планѣ воз-

²⁷⁾ Древняя и Нов. Россія, 1875 г., т. II, стр. 110.

²⁸⁾ Рус. Вѣст. т. 173, стр. 507, 509.

²⁹⁾ Соловьевъ, ХХІХ, стр. 174.

станія, который былъ извѣстенъ духовенству, только предполагалось силою противоѣствовать снятію Боголюбской иконы и запечатанію ящиковъ, а также разбить карантинъ. Другая часть плана—убіеніе архіепископа могла быть составлена и безъ участія духовенства. Извѣстно, что сравнительно небольшая партія направилась въ Донской монастырь для убіенія Амвросія. Главнымъ ея коноводомъ былъ купецъ-раскольникъ Иванъ Дмитріевъ, равно какъ и разгромъ Чудова монастыря, по мнѣнію самихъ властей, произошелъ подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ раскольниковъ. „Наставникъ долженъ быть изъ раскольниковъ, говоритъ графъ Салтыковъ въ донесеніи Императрицѣ, потому что они всегда противились карантину, да и то примѣчанія достойно, что церковь архіерейская вся разорена и утварь разбита и разметана“³⁰⁾. Если, такимъ образомъ, инициативу убіенія архіепископа взяли на себя раскольники и сдѣлали соответствующія распоряженія, то священники могли быть совсѣмъ непричастны къ этому дѣлу. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли намѣреніе постоять за Богородицу и за деньги, собранныя у Ея иконы на Варварскихъ воротахъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что они именно подвигнули народъ къ убіенію своего архіпастыря. Какъ бы ни были они недовольны на своего архіерея, но величина самого преступленія невольно должна была бы удержать ихъ отъ преступнаго порыва. Не могли они рассчитывать и на безнаказанность, опираясь на движеніе массы, потому что всехсвятскій священникъ еще утромъ 15 сентября былъ допрашиваемъ въ Консисторіи по дѣлу о Боголюбской иконѣ. А между тѣмъ извѣстно, что этотъ священникъ совсѣмъ не былъ наказанъ впоследствии, когда расслѣдовали дѣло убіенія московскаго архіепископа.

Итакъ, если московское духовенство вообще было при-

³⁰⁾ Соловьевъ, XXIX, стр. 167.

частно къ бунту съ одной стороны, то, по обратному заключенію, едва ли можно ему приписывать (въ частности, даже всехвѣтскому священнику) первоначальное измышленіе ложнаго чуда отъ Боголюбской иконы. Выше мы старались показать, какъ это случилось, и теперь, кажется, уже достаточно ясенъ выводъ, что московскимъ священникамъ вездѣмъ было выдумывать что-либо новое, въ родѣ сна фабричнаго, когда и безъ участія священниковъ почва для созданія цѣлой легенды была уже достаточно подготовлена раскольниками, преслѣдовавшими въ своей выдумкѣ никому не видныя, но тоже очень реальныя цѣли.

Московскій бунтъ 1771 г. произошелъ главнымъ образомъ по тому поводу, что было приказано снять съ Варварскихъ воротъ Боголюбскую икону, а ящики съ добровольными денежными пожертвованіями—опечатать. Кому принадлежитъ мысль о такомъ распоряженіи? По разсказу Бантышъ-Каменскаго, архіеп. Амвросій, узнавъ о сборищахъ народныхъ у Варварскихъ воротъ и служеніи молебновъ, „почиталъ за долгъ, и регламентомъ, и монаршими указами предписанный, пресѣчь сіе позорище. *Первое* его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ и икону перенести (ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы) во вновь построенную Ея Величествомъ тутъ же, у Варварскихъ воротъ, Кира и Іоанна церковь, и собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла... Требуемые въ Консисторію попы не только отрелись идти, но еще и угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ камнями“. Здѣсь, повидимому, Амвросій поступаетъ какъ архіерей, обязанный превращать суевѣрныя явленія, и распоряжается доступными ему средствами—призваніемъ въ Консисторію для увѣщанія служащихъ у иконы священниковъ. „Жаль, говоритъ С. М. Соловьевъ, что Бантышъ-Каменскій примѣши-

васть чисто полицейское побужденіе: архіерей хотѣлъ икону перенести, ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы“³¹⁾). Между тѣмъ, эта прибавка имѣетъ свой смыслъ.

Продолжая свой разсказъ, Бантышъ-Каменскій выясняетъ, почему было принято окончательное рѣшеніе прекратить сборища у Варварскихъ воротъ, и какъ думали привести его въ исполненіе. „Между тѣмъ, язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; и какъ по предписанію докторскому запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись Преосвященный, чтобъ о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сборища не посовѣтоваться съ г. Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратить на себя простолюдиновъ, произвелъ у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе: *чтобъ до времени оставить перенесеніе иконы, а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены*, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщаль г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколько солдатъ“³²⁾). По свидѣтельству Еропкина, Амвросій пріѣзжалъ къ нему 14 сентября и говорилъ, что намѣренъ деньги у Боголюбской запечатать въ томъ разсужденіи, что явленіе образа вымышлено отъ священниковъ, которые за молебны начали пріобрѣтать великую прибыль. С. М. Соловьевъ во всемъ этомъ планѣ дѣйствій находитъ неясности. Если видѣли явленіе, запрещенное закономъ, а прекратить его разомъ было опасно, то почему слѣдуетъ, что къ денежнымъ ящикамъ надобно было приложить консисторскія печати? Если рѣ-

³¹⁾ Соловьевъ, XXIX, стр. 161—162.

³²⁾ Соловьевъ, XXIX, стр. 162.

шили ящики запечатать изъ страха расхищенія денегъ фабричными, то это едва ли нужно было дѣлать, потому что при ящикахъ былъ уже военный карауль³³). Предположенное Еропкинымъ и архіереемъ распоряженіе представляется неяснымъ и съ той стороны, что оно не могло достигнуть намѣченной цѣли—прекратить сборища у Варварскихъ воротъ. Вѣдь не ящики съ деньгами привлекали народъ къ воротамъ, а икона Боголюбской Богоматери, въ которой приходили служить молебны. Затѣмъ, опять-таки, удивительно, что архіерей мотивируетъ свое рѣшеніе чисто санитарными соображеніями, что сношеніе народа у иконы увеличило заразу. Очевидно, что у Бантышъ-Каменскаго какая-то недомолвка.

(Продолженіе будетъ).

Записки Стахія Львова-Троеспольскаго.

(Продолженіе *).

Болотовъ въ своихъ запискахъ дословно повторяетъ Бантышъ-Баменскаго. Въ письмѣ Императрицы Екаторины къ А. Бибикову говорится: „Архіерей съ генераль поручикомъ Еропкинымъ, чтобъ исподволь умалить теченіе народное къ сему мѣсту, и для того 15 сентября въ вечеру послалъ *своихъ людей* опечатать сборъ у сего образа“ ³⁴⁾. Здѣсь не упомянуто даже, что архіерейскій подъячій имѣлъ команду. Больше подробностей находимъ въ письмѣ Императрицы къ Вольтеру, отъ 6 октября 1771 г. Начало Московскаго бунта въ немъ такъ описано: „Московскій архіепископъ, по имени Амвросій, человекъ умный и заслуженный, узнавъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней чернь толпами стекается къ образу, которому приписывали силу исцѣленія больныхъ, и что туда приносятъ множество денегъ, приказалъ запечатать своею печатью эту кассу, чтобы употребить ее потомъ на богоугодныя дѣла: экономическое распоряженіе, которое каждый епископъ въ правѣ сдѣлать по своей епархіи. *Можно полагать, что онъ имѣлъ намѣреніе снять этотъ образъ, какъ дѣлалось не разъ*, и что это было только предварительною мѣрою“ ³⁵⁾. Въ письмѣ къ г. Быльке Императрица только кратко говоритъ: „архіепископъ приказалъ запечатать ящикъ“ (для сбора пожертвованій) ³⁶⁾. Саблуковъ, одинъ изъ участниковъ въ усмиреніи бунта, въ своемъ письмѣ къ отцу, рассказывая очень сжато о первыхъ моментахъ бунта, писалъ, что по случаю огромнаго скопленія народа у Боголюбской иконы явилась опасность усиленія

* См. № 11 Смол. Епарх. Вѣд.

³⁴⁾ Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества т. XIII, стр. 180.

³⁵⁾ Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общ. т. XIII, стр. 175—176.

³⁶⁾ Тамъ же, стр. 173.

заразы, и что посему „покойный здѣшній преосвященный и разсудилъ въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторое распоряженіе, а чтобъ не была раскрадена, казну велѣлъ запечатать“³⁷⁾.

Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ выходитъ, что мысль о снятіи иконы и запечатаніи денежнаго ящика у Варварскихъ воротъ первый подалъ арх. Амвросій, а между тѣмъ это несчастное распоряженіе на счетъ денегъ было причиною бунта.

Въ запискахъ Стахія исторія распоряженій арх. Амвросія по поводу Боголюбскаго образа представлена какъ будто въ иномъ свѣтѣ.

Когда сборища народа у Варварскихъ воротъ стали причиною еще большаго усиленія эпидеміи, то „командующій въ то время предохранительною комиссіею, г. генералъ-поручикъ Еропкинъ, по совѣту медицинскихъ чиновъ, призналъ за необходимое прекратить эти собранія на томъ основаніи, что чумою могутъ заразиться чрезъ платья, сукна и проч. Но такъ какъ собранія эти были не свѣтскія, а духовное богомоленіе, почему и пригласилъ на совѣтъ московскаго архіепископа Амвросія. Предположили на совѣтѣ: для прекращенія народныхъ собраний, въ виду заразы, образъ Богоматери, снявъ съ Варварскихъ воротъ, внести въ ближайшую церковь, въ которой, при народныхъ собраніяхъ, въ предотвращеніе зараженія, воскурятъ ладонъ и порошки. Преосвященный Амвросій далъ слово исполнить зависящее отъ него. По пріѣздѣ въ свою келью, вызвавъ дежурнаго консисторскаго, сдѣлалъ распоряженіе снять образъ и поставить въ близъ лежащую церковь. Дежурный подъячій³⁸⁾

³⁷⁾ Древняя и Новая Россія, 1875 г., т. 2, стр. 113.

³⁸⁾ По Болотову, ящикъ съ деньгами должнъ былъ опечатать консисторскою печатью своею подъячій. «15 сентября пришла въ Чудовъ монастырь команда съ двумя консисторскими подъячими и консисторскою печатью, взявъ съ собою

на утро слѣдующаго дня пришелъ въ Варварскимъ воротамъ, приказалъ привести лѣстницу для снятія образа, а приклады и деньги, сложивъ въ сундуки, отнести въ церковь... Народъ, раздраженный дурачествомъ и гордостью подъячаго, бравшаго сундуки и приказывающаго снять образъ, спросилъ у подъячаго: „что онъ дѣлаетъ и по чьему распоряженію беретъ образъ, вещи и деньги“? Гордый подъячій отвѣтилъ, что никому ни въ чемъ нѣтъ нужды, и что это дѣлаетъ онъ по распоряженію архіерея“.

Въ приведенномъ разсказѣ Стахія, повидимому, соединены вмѣстѣ тѣ два распоряженія арх. Амвросія относительно иконы и ящика, которыя у Бантышъ-Каменскаго представлены раздѣльно. Здѣсь же мы видимъ, что инициатива распоряженія о снятіи образа принадлежитъ не Амвросію, а Еропкину, и что предъ началомъ бунта подъячій имѣлъ намѣреніе не консисторскую печать только приложить, а снять также образъ и снести денежные ящики въ церковь. Насколько можно довѣрять этому разсказу?

Выше мы имѣли случай указать, что въ разсказѣ Бантышъ-Каменскаго попадаютъ нѣкоторыя неясности и недомолвки. Свое первое распоряженіе Амвросій, по этому разсказу, сдѣлалъ будто бы потому, что отъ толпы на улицѣ ни проходу, ни проѣзду не было. Не естественно ли здѣсь предположить, что, какъ только у Варварскихъ воротъ начали собираться огромныя толпы народа, полиція первая замѣтила это и донесла Еропкину. Видя, что полицейскими мѣрами постоянныя сборища у Боголюбской иконы прекратить нельзя, Еропкинъ, все-таки, долженъ былъ немедленно

и того самого попа, разглашателя о чудѣ, и который въ тотъ день допрашиваемъ былъ по сему предмету въ Консисторіи» (т. III, стр. 17). Между тѣмъ въ рапортѣ оберъ-полиціймейстера Бахметева графу Салтыкову сказано, что для вынута въ ящика денегъ отправился одинъ консисторскій подъячій (Рус. Стар. т. XVII, стр. 200).

же принять мѣры для предотвращенія еще большаго распространенія чумы. Очень естественно, что, прежде чѣмъ принять что-либо, Еропкинь держитъ совѣтъ съ докторами, дабы не принимать на себя одного всей отвѣтственности за могущія произойти отъ распоряженія послѣдствія. Но такъ какъ предполагаемыя распоряженія должны были относиться къ предмету религіознаго почитанія, то Еропкинь и рѣшилъ дѣйствовать черезъ архіерея. Когда, такимъ образомъ, было предложено архіерею принять свои мѣры къ прекращенію народнаго стеченія у Варварскихъ воротъ, Амвросій не могъ отказаться отъ исполненія дѣла, прямо его касающагося. Архіепископъ предположилъ было снять образъ, а деньги употребить на дѣла благотворенія. Хотѣлъ онъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ чрезъ подвѣдомое ему духовенство, чтобы оно убѣдило народъ въ необходимости снять образъ, подѣтъмъ предлогомъ, что въ воротахъ Варварскихъ отъ стеченія народа нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, и что благообразнѣе будетъ совершать предъ образомъ молебны въ церкви. Духовенство не послушалось архіерея. Архіерей доложилъ о неуспѣхахъ своей мѣры Еропкину. Новое совѣщаніе между ними привело къ заключенію о необходимости снять икону и убрать кружки съ пожертвованіями. Теперь уже и Еропкинь общается архіерею оказать свое содѣйствіе и дать ему команду, на случай сопротивленія народа. По всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, за исключеніемъ Стахія, должно какъ будто заключать, что 15 сентября предполагалось только запечатать ящикъ, а потомъ уже, при удобномъ случаѣ, снять и самую икону. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что въ этомъ распоряженіи видны несообразности, и что оно не могло бы достигнуть предположенной цѣли. Въ виду сего, не лучше ли признать болѣе справедливымъ

показаніе Стахія, что 15 сентября архіерейскій подъячій приступилъ прямо къ снятію образа и отобранію ящика. То, что въ письмѣ Императрицы Екаторины къ Вольтеру выставлено, какъ предположеніе, будто бы архіерей только въ будущемъ хотѣлъ снять икону, не было ли дѣйствительнымъ фактомъ, послужившимъ причиною бунта? Тогда никакихъ неясностей въ разсказѣ о второмъ распоряженіи Амвросія не будетъ. Стало быть, важно было не столько опечатаніе ящика, сколько снятіе образа, возбудившее народное волненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что именно Амвросію принадлежитъ инициатива снятія образа, то надо при этомъ допустить нѣчто невѣроятное, будто бы Еропкинъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль не хотѣлъ замѣчать происходившаго у Варварскихъ воротъ и не считалъ этого важнымъ. Такое предположеніе и является невѣроятнымъ, если взять во вниманіе, что, даже по свидѣтельству графа Салтыкова (отъ 14 сентября), на мѣсто котораго былъ назначенъ Еропкинъ для прекращенія чумы, „генераль-поручикъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ старается и трудится неусыпно оное зло прекратить“³⁹⁾. Почему же, однако, гнѣвъ народный обратился не на Еропкина, какъ перваго виновника снятія Боголюбской иконы, а на архіепископа? Да потому, понятно, что выполнить распоряженіе о снятіи образа пришлось архіерею, и народъ впдѣлъ, что посланъ не полицейскій чиновникъ, а конспиторскій подъячій. Когда толпа народная была фанатически настроена, то она не могла разсуждать, прямо ли исходило отъ архіерея распоряженіе снять икону на Варварскихъ воротахъ, или косвенно. Мы уже знаемъ, что гораздо раньше снятія иконы толпа очень

³⁹⁾ Довесеніе гр. Салтыкова Императрицѣ Екаторинѣ. Рус. Стар. 1876 г., т. XVIII, стр. 194.

враждебно была настроена противъ архіерея. Кромѣ того, порученіе, данное архіерею своему подъячюму, было исполнено крайне неумѣло и даже безразсудно. Прибывъ къ Варварскимъ воротамъ, архіерейскій подъячій приказалъ принести лѣстницу для снятія образа, а приклады и деньги, сложивъ въ сундуки, отнести въ церковь. „Между тѣмъ, говоритъ Стахій, народъ, раздраженный грубымъ отвѣтомъ подъячаго и полагая, что деньги—жертву ихъ хотятъ похитить, взбунтовался“... Такимъ образомъ, неудивительно, почему народъ, выведенный изъ терпѣнія безтактнымъ поведеніемъ архіерейскаго подъячаго, рѣшился выместить свою злобу на предполагаемомъ главномъ виновникѣ снятія образа—архіерей и, опьяненный фанатизмомъ и злобою, совершаетъ неслыханное преступленіе—убійство своего архипастыря. Даже тогда, когда бунтъ былъ усмиренъ военною силою, и народныя умы могли уже спокойно обсуждать положеніе вещей, въ народѣ оставалось неудовольствіе на Еропкина не за снятіе образа, а за карантинныя. „Бунтовщики грозятся на многихъ, писалъ гр. Салтыковъ Императрицѣ отъ 19 сентября, а паче на лѣкарей, и хотя на многихъ злятся и грозятъ убить, въ томъ числѣ и меня, а перваго Петра Дмитріевича Еропкина, но главный пунктъ— карантинныя: сего имени народъ терпѣть не можетъ“⁴⁰⁾.

Изъ другихъ подробностей московскаго бунта, указанныхъ у Стахія, интересны слѣдующія. Когда толпа, набросившись на архіерейскаго подъячаго, сильно его избивала, послѣдній, вырвавшись, успѣлъ прибѣжать на гауптвахту и просилъ себя помощи для приведенія въ исполненіе архіерейскаго распоряженія на счетъ иконы и собранныхъ въ сундукахъ пожертвованій. „Караульный офицеръ, пришедшій съ подъ-

⁴⁰⁾ Рус. Стар. 1876 г., т. XVII, стр. 203.

ячимъ и 12 гренадерами къ показанному мѣсту, требоваль выдачи вповныхъ бывшей ссоры и въ то же время приказываль отнести въ церковь сундуки со вкладами“. Уже осwirѣпѣвшая толпа набросилась и на приведенную подъ ячимъ команду и жестоко избила офицера и солдатъ. „Офицеру проломили голову, перешибли руку и всего такъ изуродовали, будто бы былъ онъ подъ непріателемъ“. (Стахий).

Въ донесеніи гр. Салтыкову оберъ-полиціймейстера Бахметева о происшествіяхъ 15 сентября говорится, что подъ ячій взялъ съ собой офицера лишь съ 6 солдатами. Онъ упоминаетъ также, что, еще до прибытія подъячаго къ Варварскимъ воротамъ, у ящиковъ съ деньгами стоялъ караулъ отъ московскаго гарнизона, который, безъ позволенія своего плацъ-маіора, не допускалъ пришедшей съ подъячимъ командѣ опечатать ящики съ деньгами. Отъ этого произошелъ сначала шумъ, а потомъ и драка между карауломъ и пришедшею командою. Къ ней потомъ присталъ и народъ. Выручать избитую команду и подъячаго пріѣзжалъ самъ оберъ-полиціймейстеръ, хотя и безуспѣшно. (Соловьевъ, XXIX, стр. 162—164).

Записки Стахія Львова-Троєпольскаго.

(Продолженіе *).

Стахій совсѣмъ не упоминаетъ о караулѣ при ящикахъ, и у него дѣло представлено такъ, какъ будто никакого караула здѣсь не было.

*) См. № 12 Смол. Епарх. Вѣд.

Это умолчаніе имѣетъ значеніе въ виду того, что по нѣкоторымъ даннымъ участникомъ бунта былъ и плацъ-маіоръ. Болотовъ такъ говоритъ объ этомъ. „Прежде нежели команда (съ подъячимъ) пришла къ воротамъ Варварскимъ, городской плацъ-маіоръ былъ о томъ уже, и какъ видно, отъ самаго сего попа, съ которымъ онъ дѣлился сборами денежными, предуведомленъ. И сей бездѣльникъ, зараженный корыстолюбіемъ, жалѣя собранныя деньги, поспѣшилъ, до прихода еще ихъ, приложить самъ печать свою къ сундуку съ деньгами, а народу разгласилъ, что въ вечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону и захватить себѣ всѣ собранныя деньги. Сииъ произвелъ онъ великій ропотъ и негодованіе“⁴¹⁾. Повидимому, отсюда ясно, почему караулъ оказалъ сопротивленіе командѣ и ссылался на плацъ-маіора. Однако, несмотря на явное причастіе къ бунту, плацъ-маіоръ нисколько не пострадалъ. „Сколько намъ извѣстно, говоритъ проф. Брикнеръ, ни священникъ церкви Всѣхъ Святыхъ, ни плацъ-маіоръ не были привлечены къ суду, хотя мы знаемъ, что 15 сентября, за нѣсколько часовъ до начала бунта, священника допрашивали въ Консistorіи по дѣлу объ иконѣ Богородицы, и что ночью на 16 сентября Брокнинъ приказалъ, какъ можно скорѣе, отыскать плацъ-маіора“⁴²⁾. Чѣмъ объяснить безнаказанность плацъ-маіора, когда о его предполагаемой виновности какъ будто говорится въ одномъ официальномъ донесеніи Императрицѣ гр. Салтыкова⁴³⁾? Однако же, въ письмѣ къ Бибикову (20 октяб. 1771 г.) Императрица Екатерина, описывая Московскій бунтъ, указываетъ на оплошность оберъ-полиціймейстера (Бахметева), но

⁴¹⁾ Болотовъ. Записки, т. III, стр. 17 и слѣд.

⁴²⁾ Проф. Брикнеръ. О чумѣ въ Москвѣ въ 1771 г. Рус. Вѣстникъ, т. 173, стр. 509.

⁴³⁾ Донесеніе графа Салтыкова Императрицѣ отъ 19 сентября. Рус. Старина, т. XVII, стр. 200—201.

не говорить ничего о плацъ-маіорѣ. Характерно выраженіе этого письма: „Слѣдствіе теперь идетъ, изъ коего ясно открылось, что ни главы, ни хвоста нѣту, а дѣло все случайное“ ⁴⁴⁾. Такимъ образомъ, ни всесвятскій священникъ, ни плацъ-маіоръ не были привлечены къ отвѣту, какъ зачинщики бунта.

Чтобы выйти изъ очевиднаго недоумѣнія, остается сдѣлать два предположенія. Во 1-хъ, или то, что у ящика денежнаго никакого караула изъ солдатъ московскаго гарнизона не было, и что впервые было приступлено къ охраненію денегъ только тогда, когда явился подъячій съ командою для запечатанія ящика и снятія иконы. Или, во 2-хъ, что если деньги охраняли отъ расхищенія караульные московскаго гарнизона, то плацъ маіоръ такъ или иначе былъ причастенъ къ бунту.

Профессоръ Бринеръ, анализируя данныя о причастности къ бунту всесвятскаго священника и плацъ-маіора, склоняется къ выводу, что плацъ-маіоръ былъ дѣйствительно виноватъ. „И изъ другихъ данныхъ (кромѣ записокъ Болотова) можно усмотрѣть, что священникъ и плацъ-маіоръ, *повидимому*, во всемъ дѣлѣ стояли на первомъ планѣ“ ⁴⁵⁾. При этомъ, въ доказательство виновности плацъ-маіора, онъ ссылается на рапортъ оберъ-полиціймейстера (Бахметева) гр. Салтыкову, который, на основаніи этого рапорта, доносилъ Императрицѣ, что шумъ и драба у денежнаго ящика произошли сначала между карауломъ отъ московскаго гарнизона и командою, пришедшею съ подъячимъ, что этотъ караулъ не допустилъ распорядиться ящикомъ безъ позволенія своего командира, плацъ-маіора. Потомъ, когда Бахметевъ хотѣлъ выручить избитую команду и подъячаго, то опять же караульные

⁴⁴⁾ Рус. Вѣст. т. 173, стр. 559.

⁴⁵⁾ Рус. Вѣст. т. 173, стр. 507.

московскаго гарнизона отвѣчали, что не смѣютъ выдать команду безъ своего командира, т. е. плацъ-маіора ⁴⁶⁾.

Доказательство въ пользу виновности плацъ-маіора, по-видимому, очень внушительное. Кромѣ того, одинъ очевидецъ бунта — прот. Алексѣевъ, проѣзжая мимо Варварскихъ воротъ, видѣлъ тамъ какого-то „маіора“, вышедшаго изъ „одной шайки злосовѣщающихъ злодѣевъ“. Этотъ маіоръ узналъ о Алексѣевѣ, попросилъ его благословенія и спрашивалъ, скоро ли прибудетъ къ Варварскимъ воротамъ преосвященный, но Алексѣеву маіоръ оказался совсѣмъ незнакомымъ. Караула о Алексѣевѣ не замѣтилъ.

Въ своемъ разсказѣ о бунтѣ Алексѣевъ отмѣчаетъ еще одну интересную подробность, изъ которой можно заключать, что чернь еще раньше властей, услыхавъ о ихъ намѣреніи опечатать ящикъ, сама позаботилась охранить собранное въ ящикъ народное достояніе. „Во второмъ часу пополудни, говоритъ Алексѣевъ, когда пришли отъ архіерея московскаго посланные къ Варварскимъ воротамъ для счета денегъ, собранныхъ при образѣ Пресвятыя Богородицы Боголюбскія, что надъ вратами, и для запечатанія оныхъ консисторскою печатію, канцеляристъ консисторской и семь человекъ солдатъ данныхъ на то отъ г. Еропкина; и какъ подъячій *снялъ печать кунцову отъ сундука съ деньгами*, то и сдѣлался нелѣпный крикъ отъ народа, *нарокомъ* туда заранѣе собравшагося и ожидавшихъ уже не только присыльныхъ отъ архіерея, но и самаго архіерея“ ⁴⁷⁾.

Почему на сундукѣ съ деньгами, еще до прихода консисторскаго подъячаго, оказалась печать частнаго лица? Изъ источниковъ о московскомъ бунтѣ не видно, зачѣмъ она приложена къ ящику, кто ее приложилъ и когда. Здѣсь,

⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 508.

⁴⁷⁾ Древняя и Новая Россія. 1875 г. т. II, стр. 110, ст. Д. Мордовцева: «Чума въ Москвѣ 1771 г.».

такимъ образомъ, отвергается возможность разныхъ предположеній. Какое же изъ нихъ вѣроятнѣйшее? По всемъ показаніямъ, уже 15 сентября утромъ народъ зналъ, что архіерей намѣренъ опечатать ящикъ; ждали для этого даже самого архіерея. По разсказу Алексѣева, 15 сентября огромная толпа народа собралась у Варварскихъ воротъ „наркомъ“, т. е. съ заранѣ принятымъ рѣшеніемъ оказать сопротивление силою намѣреніямъ архіерея. Въ виду этого заранѣ составленнаго заправилами бунта плана дѣйствій, не естественно ли предположить, что эти главари постарались оградить денежный ящикъ такимъ видимымъ знакомъ (приложеніемъ печати), нарушеніе котораго могло бы послужить сигналомъ къ возстанію. Была приложена печать какого-то купца, человѣка, очевидно, имѣющаго вѣсъ въ глазахъ народа. Въ народномъ сознаніи приложеніе печати могло имѣть еще и то значеніе, что оно наглядно убѣждало въ неприкосновенности народныхъ пожертвованій и давало невыгодное мнѣніе объ архіереѣ, якобы собирающемся присвоить себѣ это достояніе. Понятно, почему все это въ совокупности такъ озлобило народъ противъ архіеп. Амвросія.

По нашему мнѣнію, относительно приложенной къ ящику печати слѣдуетъ предпочесть свидѣтельство прот. Алексѣева показанію Болотова, утверждающаго, что самъ плацъ-маіоръ приложилъ къ ящику свою печать. Если плацъ-маіоръ и былъ въ числѣ подготовителей бунта, то все-же онъ долженъ былъ дѣйствовать съ нѣкоторой осторожностію, дабы не поставить противъ себя очень явныхъ ульпъ. Сверхъ того, и чернь съ большимъ довѣріемъ должна была взирать на печать купца, человѣка изъ своей же среды, чѣмъ на печать плацъ-маіора, принадлежащаго къ служебному міру. Плацъ-маіоръ, если бы не былъ соучастникомъ бунта, конечно, не могъ бы позволить приложить частную печать къ денежному

ящику, когда онъ зналъ, что архіерей собирается приложить консисторскую печать на эти бумаги. Писавшій
отъ Карауль, поставленный у ящика плацъ-маіоромъ, вѣроятно, былъ посвященъ въ замыслы бунтовщиковъ. Солдаты караула, по намѣренію распорядителей бунта, должны были первыми броситься къ отраженію посягательства со стороны властей на неприкосновенность ящика. Въ этомъ первымъ зачинщикамъ драки должна была (какъ и случилось на самомъ дѣлѣ) пристать и остальная масса народа.
Въ связи съ показаніемъ о. Алексѣева о печати тупца, приложенной къ ящику, выясняется и его свидѣтельство о какомъ-то „маворѣ“, стоявшемъ среди шайки злодѣевъ у Варварскихъ воротъ. Хотя Алексѣевъ и не утверждаетъ, что это былъ плацъ-маіоръ и даже считаетъ его для себя лицомъ незнакомымъ, однако-же страннымъ кажется присутствіе среди бунтующаго народа военного человѣка съ значительнымъ чинномъ, когда вообще всякаго рода военачальники рисковали бы поплатиться при встрѣчѣ съ бунтующею чернью. Очевидно, что встрѣченный Алексѣевымъ маіоръ былъ среди бунтующихъ свой человѣкъ, а такимъ могъ быть и самъ плацъ-маіоръ. Другія данныя косвенно подтверждаютъ это. Когда Бахметевъ хотѣлъ выручить избитую команду и подъячаго и послалъ полицейскаго маіора съ просьбою къ народу выдать для примѣрнаго наказанія якобы виновниковъ бунта (т. е. избитую команду), то карауль у ящика отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на неимѣніе приказаній отъ своего плацъ-маіора. По приказанію самого Еропкина и Бахметева, послали искать плацъ-маіора, но нигдѣ не могли его найти, а между тѣмъ событія принимали еще болѣе дурной оборотъ: толпа отправилась грабить и разорять Чудовъ монастырь. Въ послѣдующихъ перипетіяхъ бунта мы также не видимъ, чтобы плацъ-маіоръ оказалъ какую-нибудь помощь беззащит-

нымъ властямъ въ усмиреніи бунта. Напротивъ, вѣренныя плацъ-маіору команды принимаютъ самое дѣятельное участіе въ бунтѣ. По донесенію Салтыкова Императрицѣ отъ 19 сентября, „старики отставнаго баталіона гвардіи, кои содержатъ караулъ въ Кремлѣ, болѣе всѣхъ бунтовали и воровали“ ⁴⁸⁾. Бунтъ этотъ внутри Кремля 16 сентября усмирить одинъ Еропкинъ, а 17 числа, когда толпа ломилась въ Кремль, Спасскія ворота защищалъ губернаторъ Юшковъ ⁴⁹⁾. Плацъ-маіора опять-таки нигдѣ не видно, хотя для него было бы самое подходящее мѣсто быть въ Кремлѣ и усмирить подчиненный ему гарнизонъ. Гдѣ былъ дѣйствительно плацъ-маіоръ во время событій 15—17 сентября, на это въ источникахъ нѣтъ указаній. Быть можетъ, принявъ участіе въ возбужденіи народа въ началу бунта, плацъ-маіоръ потомъ ступилъ и успѣлъ удовлетворить свои корыстолюбивыя стремленія насчетъ ли ящика, вѣреннаго его караулу, или какимъ-нибудь другимъ способомъ. Во всякомъ случаѣ, когда въ сенатѣ производилось слѣдствіе о виновникахъ бунта, сенаторъ Волковъ въ своей рѣчи въ засѣданіи 5 ноября какъ бы резюмировалъ результаты слѣдствія и, не называя имени плацъ-маіора, выразительно намекнулъ о немъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ виновниковъ бунта. „Видимъ, говорилъ онъ, еще съ большимъ соболѣзнованіемъ нѣкоторыхъ начальниковъ, кои вмѣсто того, чтобъ предписанный законами порядокъ тотчасъ возстановить, слабостью своею подтвердили сіе нестройство и столько оному возраста допустили, что едва покойный преосвященный хотѣлъ токмо сіе избранное мірское стяжаніе предохранить отъ неизбежнаго расхищенія Бяговыхъ и Афанасьевыхъ, то *собственное сихъ людей корыстолюбіе* обратило законный поступокъ въ

⁴⁸⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIX, стр. 167.

⁴⁹⁾ Тамъ же, стр. 165—166.

грабежъ и святотатство и было единственнымъ подвигомъ всѣхъ изъ того слѣдовавшихъ золъ“⁵⁰). Здѣсь нельзя не замѣтить намека и на сопротивленіе караула, поставленнаго плацъ-маіоромъ у ящика, пришедшей съ подъячимъ командой и на то, что этотъ поступокъ имѣлъ своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіемъ происшедшій бунтъ. Указана также и причина по которой плацъ-маіоръ дѣйствовалъ вопреки своему долгу, — его корыстолюбіе.

На вопросъ, почему плацъ-маіоръ, несмотря на явное соучастіе въ бунтѣ, не былъ наказанъ, можно отвѣтить только тѣмъ соображеніемъ, что Императрица Екатерина не хотѣла придавать особаго значенія этому бунту. Она желала замаскировать предъ глазами Западной Европы характеръ происходившихъ въ Москвѣ событій и въ своихъ письмахъ за границу предствавляетъ московскій бунтъ во время чумы „катастрофою, происходившею отъ фанатизма“ и народнаго невѣжества. „Нашъ народъ простой не можетъ привыкнуть и примѣниться, писала Екатерина г-жѣ Бьельне отъ 3 октября 1771 г., по суевѣрію и невѣжеству, къ предосторожностямъ, необходимымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ (во время эпидеміи)... Едва прошло 24 часа послѣ его (Орлова) отъѣзда (въ Москву), какъ фельдмаршалъ Салтыковъ написалъ мнѣ о катастрофѣ, случившейся въ томъ же городѣ отъ *фанатизма* съ 15 на 16 сентября стараго стиля“. Разказавъ кратко въ этомъ письмѣ исторію бунта и убіенія архіеп. Амвросія, Императрица заключаетъ: „вотъ прибавленіе къ главѣ о превратно-понимаемой ревности, отъ которой уже столько пролито крови на свѣтѣ“! Бунтъ, по словамъ этого письма, былъ незначительный, такъ что Еропейцы легко усмирилъ толпу съ 30 солдатами⁵¹). Точно также и въ

⁵⁰) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XXIX, стр. 175.

⁵¹) Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества, т. XIII, стр. 173—174.

письмѣ Императрицы къ Вольтеру московскій бунтъ представ-
ленъ, какъ незначительная вспышка пьяной и суевѣрной черни:
о разбитіи карантинновъ и разгромѣ Кремля не упомянуто ни
слова ⁵²⁾. А чтобъ иностранцы не узнали подлинной исторіи
московскаго бунта, Императрица сдѣлала распоряженіе почтъ-
директору Эку сжечь письма иностранцевъ, посланныя изъ
Москвы въ Петербургъ ⁵³⁾. Даже своимъ знаменитымъ
сподвижникамъ, бывшимъ вдали отъ Московскихъ событій,
Императрица хотѣла представить московскій бунтъ не въ
настоящихъ его размѣрахъ.

Въ письмѣ къ Библикову она выражаетъ тоже мнѣніе о
бунтѣ, что и въ вышеприведенныхъ письмахъ за границу:
бунтъ произошелъ отъ ханжества („ханжи выдумали народъ
лечить чудесами“), пьянства черни и недосмотра со стороны
полиціи. Еропкинь усмирить его съ „двумя пушченками и
сорока человѣками“. „Слѣдствіе теперь идетъ, изъ коего ясно
открылось, что ни головы, ни хвоста не было, а дѣло вовсе
случайное“ ⁵⁴⁾. Въ манифестѣ Екатерины II, при отправле-
ніи въ Москву графа Гр. Орлова, о происшедшемъ бунтѣ не
сказано ни слова, какъ будто его вовсе и не было, а только
повелѣвается безпрекословно исполнять все распоряженія
графа Орлова, какъ исходящія отъ лица самой Императрицы.
Согласно данной инструкціи, гр. Орловъ, и во время слѣд-
ствія надъ виновниками бунта, побуждалъ судей не слиш-
комъ усердствовать въ раскрытіи сущности дѣла, а „лучше
виноватаго облегчить отъ наказанія, нежели наказать невин-
наго“. По его предложенію, было смягчено нѣсколько наказаніе
виновныхъ. Въ сентенціи сената по дѣлу о бунтѣ виновники
его раздѣлены на нѣсколько категорій, причемъ главными
преступниками объявлены убійцы архіеп. Амвросія „достой-

⁵²⁾ Тамъ же, стр. 175—177.

⁵³⁾ Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общ., т. XIII, стр. 170.

⁵⁴⁾ Тамъ же, стр. 179—181.

ными смертной казни“, а разглашатели ложнаго чуда, въ числѣ 12 человекъ, пострадали меньше всѣхъ другихъ ⁵⁵⁾. Въ самомъ приговорѣ характерна мысль сенатора Волкова, что „всѣ прилучившіеся участниками того убійства, монастырскаго грабежа, оскверненія священныхъ мѣстъ, поруганія св. иконъ, разбитія карантинныхъ домовъ и больницъ безумнымъ паче стремленіемъ въ сіе заведены, нежели въ самомъ дѣлѣ толь богомерзкое имѣли намѣреніе“ ⁵⁶⁾.

Такимъ образомъ, если въ правительственныхъ сферахъ все дѣло московскаго бунта, по мысли Императрицы, рѣшено свести на суевѣріе, невѣжество, грубость и фанатизмъ народа, то неудивительно, что въ число подсудимыхъ и виновниковъ не попали ни духовныя лица—священники, ни плацъ-маіоръ. Последнему, какъ видѣли выше, пришлось только получить по своему адресу (хотя и безъ указанія имени) административный выговоръ и, вѣроятно, заплатить мѣстомъ.

Стахій въ своихъ запискахъ не упоминаетъ о столкновеніи караула съ командою, приведенной подъячимъ, быть можетъ, потому, что не былъ очевидцемъ этого происшествія, а слышалъ рассказъ о бунтѣ отъ другихъ. Замѣчательно, что и въ другихъ источникахъ, кромѣ донесенія гр. Салтыкова Императрицѣ, не указано на это обстоятельство, хотя Еропкинъ, безъ сомнѣнія, зналъ о немъ очень хорошо. Только въ одной современной бунту запискѣ неизвѣстнаго лица сказано: „братъ денегъ не дали караульные, поставленные самимъ народомъ изъ себя; подъячаго прибили и взяли подъ свой карауль, а съ командою начали драку“ ⁵⁷⁾. Это извѣстіе, какъ стоящее въ рѣшительномъ противорѣчій съ донесеніемъ

⁵⁵⁾ Рус. Вѣстникъ, т. 173, стр. 520.

⁵⁶⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIX, стр. 175.

⁵⁷⁾ Соловьевъ, т. XXIX, примѣч. 67 на стр. 197.

оберъ-полиціймейстера Бахметева гр. Салтыкову, должно быть отвергнуто, какъ недостоверное.

Послѣ расправы съ подъячимъ, народъ отъ Варварскихъ воротъ бросился потомъ къ Чудову монастырю, ища убить арх. Амвросія. Въ этотъ день намѣреніе это не было приведено въ исполненіе. За то сильно пострадали ненавистные народу карантинны. „Часть бунтовщиковъ, говоритъ Стахій, направилась къ карантиннымъ домамъ. Гдѣ имъ сопротивлялись караулы, тѣхъ били безъ милосердія, малый на Серпуховской заставѣ карауль разогнали“. Это показаніе Стахія насчетъ карантиновъ вполне согласно съ донесеніемъ о томъ же Еропкина Императрицѣ: „16-го по утру убили архіерея; карантинны учрежденные разорили, выпустили изъ Данилова монастыря и изъ другаго двора, состоящаго на Серпуховской дорогѣ, разбивъ дубьемъ и каменьями стоящаго на караулѣ офицера, сопротивлявшагося имъ, какъ и подлѣкара, въ одномъ изъ тѣхъ карантиновъ находившагося“⁵⁸).

На слѣдующій день, 16 сентября, бунтари убили въ Донскомъ монастырѣ арх. Амвросія, вытащивъ его изъ самаго алтаря, по окончаніи литургіи. „Толпа, передаетъ Стахій, ворвалась въ алтарь и, схвативъ архіерея, потащила вонъ. Но какъ манашествующіе убѣждали не окроплять обители человѣческою кровію, и чрезъ сіе не навлекать на себя тяжкаго гнѣва Божія, то сіи злодѣи вытащили бѣднаго священнаго старца вонъ изъ монастыря. Нѣкоторые изъ толпы говорили, что его нужно вести на площадь и всеародно убить, другіе же говорили, чтобы посадить въ погребъ. Когда же свели съ помоста (внѣ монастыря), то начали бить дреколіями и убили“. Стахій видалъ тѣло убитаго архіепископа и такъ описываетъ его положеніе: „преосвященный Амвросій лежалъ на концѣ помоста, покрытый покрываломъ,

⁵⁸) Древняя и Новая Россія 1875 г., т. 2, стр. 117.

около него стоялъ монахъ. Отрывъ покрывало, я увидалъ, что вся голова проломлена, лицо исколото остриемъ кола и обгаряно кровію“⁵⁹⁾).

Кромѣ описанія московскаго бунта во время чумы, въ запискахъ Стахія приведены нѣкоторые интересные эпизоды изъ временъ пугачевщины. Стахій, въ званіи фельдфебеля въ Томскомъ пѣхотномъ полку, самъ участвовалъ въ усмиреніи пугачевского мятежа, въ предѣлахъ Оренбургской губерніи. О себѣ онъ мало говоритъ во время этой экспедиціи, упоминая только, что онъ былъ рачень картечью въ обѣ ноги, при осадѣ Бакалинской крѣпости. Но въ разсказахъ Стахія о товарищахъ по военной службѣ: Лукострѣловѣ и Громовѣ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми любопытными явленіями, имѣвшими мѣсто только во время пугачевщины.

Пугачевъ, вѣшая и убивая помѣщиковъ, весьма нерѣдко шадилъ ихъ женъ и дочерей, которыя потомъ принуждены были слѣдовать за его отрядами. Многія изъ дворянокъ, слѣдовавшихъ въ лагерь Пугачева и его сподвижниковъ, попадали потомъ, при стычкахъ съ мятежниками, въ руки регулярныхъ войскъ, отряженныхъ для поимки Пугачева: ихъ такъ было много, что офицеры не успѣвали приложить заботу о ихъ судьбѣ и естественно, что заботились о нихъ

⁵⁹⁾ Прот. Алексѣевъ въ своемъ разсказѣ объ убіеніи преосв. Амвросія сообщаетъ нѣсколько больше подробностей. «Выволокли на паперть, одинъ изъ злой шайки буйной мужикъ ударилъ въ високъ архіерея, *иные изъ нихъ* (значить— не монахи) закричали на того: «не бей здѣсь, погоди... Выволокли же изъ монастыря сажень десять или больше отъ воротъ, вознеистовали на святителя Христова и своего отцначальника, били смертельно и съ наруганіями близъ двухъ часовъ; убивши же до смерти, отступили мало, скверня языками своими воздухъ; присмотря же, что одна рука правая отмашкою движется, съ чего принялись наки бить колыями по головѣ; отступивши же нѣсколько, увидѣли, что пожался тотъ священный страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже одинъ какой-то церковникъ, дѣвольской церкви слуга, послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ главою, коя часть и осталась висящею.. Безчеловѣчно уранено тѣло его, переломаны кости и измощлена глава его нескваннымъ образомъ. Повержены мощи достойнаго почитаемаго человѣка на пути, обгаренномъ кровію близъ будки, что у заднихъ монастырскихъ воротъ, въ жалость привода всѣхъ мимоходящихъ (тамъ же, стр. 111—112).

же солдаты. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ успѣвали близко сойтись съ находящимися на ихъ попеченіи дворянками и въ послѣдствіи женились на нихъ. Указываемый въ запискахъ Стахія сержантъ Громовъ прирѣлъ одну дѣвушку дворянскаго рода, попавшую было въ шайку какаго-то пугачевского полковника и отбитую войсками въ сраженіи у Чернаго Яра. Эта дѣвица, въ благодарность сержанту за его заботы о ней, вышла за него замужъ, принеши ему богатое приданое и офицерскій чинъ. Въ рассказѣ о Лукострѣловѣ отмѣчается тотъ любопытный фактъ, что пугачевщиною нѣкоторые воспользовались для пріобрѣтенія себѣ дворянскаго званія. „Пугачевщина, убивая дворянъ, истребляла ихъ герольдическія граматы. Это обстоятельство, послѣ пугачевщины, дало поводъ многимъ доискиваться дворянства, при помощи денегъ пріобрѣтать оное“. Въ примѣрѣ такихъ указываетъ одну дѣвицу, Марію Н., которой удалось получить дворянство безъ особенныхъ хлопотъ. Судь, только на основаніи заявленія этой дѣвицы, что она сестра дворянина Лукострѣлова, утвердилъ за нею права дворянства.

(Продолженіе будетъ).

Преподаватель семинаріи *Л. Лавровскій.*

Записки Стахія Львова-Троепольскаго ¹⁾.

(Продолженіе *).

I.

Императоръ Петръ Великій, по заключеніи мира съ Швеціею (полагаю (?) Ништадскаго въ 1721 году), желая навсегда

1) Изъ этихъ записокъ мы извлекаемъ только небольшую часть ихъ, имѣющую отношеніе къ фактамъ мѣстной Смоленской исторіи, или же обще-историческое значеніе.

*) См. № 17 Смол. Епарх. Вѣд.

укрѣпить права свои на завоеванную землю, принадлежавшую Швеціи, приступилъ къ постройкѣ С.-Петербурга. Признавая, что доставка съѣстныхъ припасовъ для жителей Петербурга и матеріаловъ для стройки кораблей: лѣса, цѣнки, щетны, саза сухимъ путемъ сопряжена съ большими неудобствами и значительною дороговизною, и удобнѣе и дешевле обойдется эта поставка матеріаловъ изъ отданныхъ украинскихъ городовъ и другихъ мѣстъ водяною системою, онъ, обозрѣвъ Гжатскую мѣстность, издалъ повелѣніе открыть Гжатскую пристань на границахъ трехъ губерній: Московской, Смоленской и Калужской, по тракту изъ Смоленска до Москвы, въ 160 верстахъ отъ Москвы, при рѣкѣ Гжати, впадающей въ Вазузу, выше устьевъ рѣкъ: старой и новой Алешки, въ имѣніяхъ князей Голицыныхъ и Трубецкихъ, куда и повелѣлъ вызвать для поселенія изъ украинскихъ городовъ богатыхъ купцовъ, которыхъ вызвано 25 семействъ.

Фамиліи этихъ купцовъ:

1) Козловы, 2) Воробьевы, 3) Дружинины, 4) Фалѣевы, 5) Черновы, 6) Веретинны, 7) Макурны, 8) Чернышевы, 9) Шапошниковы, 10) Церевитны, 11) Могучевы, 12) Столяровы, 13) Калининны, 14) Алонгины, 15) Будниковы, 16) Рыбниковы, 17) Гладковы, 18) Глушковы, 19) Сиротинны, 20) Нѣмчиновы, 21) Маркеловы, 22) Сивохины, 23) Булгаковы, 24) Балаевы, и 25) Ширяевы.

Означенныя семьи поселились двумя слободами при рѣкѣ Гжати. Въ то же время выстроена была деревянная Благовѣщенская церковь, и къ оной опредѣленъ былъ первымъ священникомъ дѣдъ мой, Павелъ Евѣимовичъ Львовъ-Троепольскій. Годъ отъ года Гжатская пристань увеличивалась и въ немногіе годы имѣла однихъ купеческихъ домовъ

болѣе 200. Кромѣ деревянной и каменной—соборной, построено и еще три церкви ²⁾.

Отъ предка, протоіерея Павла Евѣимовича, родился отецъ мой Левъ. Средства жизни позволили ему имѣть лишнюю прислугу за уходомъ дѣтей, и я воспитывался съ великимъ раченіемъ. Но средства дѣда далеко несравнены были съ отцовскими. Зависть и злоба облеветали его предъ архіереемъ въ поблажкѣ раскольникамъ, за что и сосланъ былъ онъ въ отдаленный монастырь. Клевета обнаружилась; дѣду моему, по замѣщеніи прихода въ Гжатской пристани, дано другое

²⁾ «Нѣкоторые (къ сожалѣнію—неизвѣстные), говорятъ самый позднѣйшій изслѣдователь г. Гжатска и его уѣзда Г. К. Бугославскій, мѣстные писатели приурочиваютъ основаніе г. Гжатска, т. е. первоначальной Гжатской пристани къ 1705 г., причѣмъ даже указываютъ мѣсяць и число—20 іюня, но на чемъ основано это мнѣніе—намъ неизвѣстно. Думаемъ, однако, что это мнѣніе ошибочно... Первые несомнѣнные указанія на необходимость основанія Гжатской пристани мы находимъ въ указѣ Петра Великаго, отъ 28 октября 1715 года... Этотъ указъ намъ говоритъ, что въ 1715 г. только происходитъ изслѣдованіе русла рѣкъ Вазузы и Гжати и пригодности ихъ къ сплаву, устройство же на нихъ пристаней, а въ томъ числѣ и Гжатской могло послѣдовать лишь за изученіемъ русла означенныхъ рѣкъ. Указъ Петра I былъ исполненъ, и результатомъ изученія русла рѣки Гжати былъ докладъ, сдѣланный нѣкимъ Скорняковымъ-Писаревымъ 11 ноября 1719 г. въ Сенатъ лично Государю... По выслушаніи доклада Скорнякова-Писарева, послѣдовалъ указъ: «О Гжатской пристани публиковать въ государствѣ, также торжки въ Можайскомъ уѣздѣ перевезть въ Гжатскъ, также, чтобы на Окъ закупать или подрячать хлѣбъ будущимъ лѣтомъ и водою привезть 60 персть до Гжатска, дабы въ 21 (т. е. въ 1721) году отъ Гжатска суда сплавлять; также и прочее къ умноженію хлѣбнаго торга и привоза, что подобно, сему мѣсту способствовать. О семъ учинить немедленный порядокъ въ Камеръ-Коллегіи». Этимъ указомъ за Гжатской пристанью признано государственное значеніе, положено начало слободѣ Гжатской пристани, какъ населеннаго и торговаго пункта... Съ основаніемъ Гжатской пристани, въ ней устроена была первая перковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы,—каменная, небольшая, сохранившаяся, по преданію и по настоящее время: она находится въ соборной оградѣ, въ сѣверо-западномъ углу ея». (Г. К. Бугославскій и В. А. Никитинъ. Городъ Гжатскъ и его уѣздъ. Историко-статистическій очеркъ. Смоленскъ, 1900 г.).

Что Гжатская пристань получила свое настоящее значеніе торгово-населеннаго пункта не ранѣе 1720 года, это видно также изъ одного тогвременнаго документа, который, къ сожалѣнію, сохранился только въ отрывкѣ, въ концѣ одного рукописнаго сборника Московской Типографской бібліотеки. Это—черновая запись какого-то договора, заключеннаго въ 1720 г. между слѣдующими переведенцами «въ Можайской уѣздѣ, въ новопостроенною пристань на рѣку Гжати: Кондратей Макуринъ, Терентей Верентиновъ, Василей Шапачниковъ, Иванъ Амъчениновъ, Андрѣй Ценевитиновъ, Марка Ряпчиковъ и еще какимъ-то лицомъ, которое не указано. (Бібліотека Московской Синодальной Типографіи. Выпускъ второй. Описалъ В. Погорѣловъ. М. 1899 г. № 33, стр. 53).

лучшее и почетное мѣсто въ имѣніи князя Ивана М. Р., отстоящее отъ Гжатска на два дня пути.

По тогдашнему обычаю, первоначальное образованіе я получилъ въ Гжатскѣ отъ учительницы Домны Тимоѣевоѣ. Грамотность моя состояла въ чтеніи часослова, псалтыря и чистописаніи; свѣдѣнія по св. исторіи я получилъ отъ дѣда, у котораго не малое время жилъ. Возвратившись къ отцу, все время проводилъ я въ чтеніи книгъ, писалъ по найму метрическія книги и помогалъ двоюродному брату, бывшему писцомъ въ Духовномъ Правленіи. Братъ сначала поступилъ на службу въ Московскій магистратъ, куда вызвалъ меня, общаясь исходатайствовать у Владыки увольненіе изъ духовнаго званія и замѣстить на гражданскую службу. Потомъ изъ магистрата перешелъ на должность секретаря Московской Консисторіи, а меня замѣстилъ въ архіерейскія келліи. Находясь при архіереѣ, я изрѣдка ходилъ на лекціи въ заиконоспасскую академію. Такъ протекла жизнь моя до 1768 года.

Въ 1768 г. послѣдовало именное царское распоряженіе, набирать въ военную службу дѣтей духовнаго вѣдомства тѣхъ, кои не получили увольненія изъ духовнаго званія и не состоятъ на гражданской службѣ. Въ Можайскѣ я записанъ въ военную службу и посланъ въ г. Москву. По зачисленіи въ Московскій баталіонъ, первоначальная моя служба состояла въ хожденіи къ поручику на переключку. Соскучась такою бездѣятельною службою, я просилъ Владыку, который любилъ меня, о перемѣнѣ службы. Владыка ³⁾ представилъ меня градоначальнику Петру Семеновичу Салтыкову. По ходатайству Владыки, дали мнѣ чинъ унтеръ-офицера и зачислили во 2-ю мушкетерскую роту. Я самъ избралъ эту роту потому, что одобряли начальника роты, капитана. Капитанъ, видя мою расторопность и умѣніе составлять

³⁾ Архіепископъ Московскій Амвросій Зертисъ-Каменскій.

бумаги, поручалъ мнѣ писать бумаги, письма свои; безъ меня даже не обѣдалъ. За такое расположеніе начальника, мнѣ завидовали. При выполненіи своихъ обязанностей, я заболѣлъ горячкою, меня помѣстили въ госпиталь. Доктора были молодые и изъ нѣмцевъ. Вотъ ихъ леченіе.

— „Что твой боленъ? подай руку, кажи языкъ: эй!—дай мой декокть“.

Такой порядокъ наблюдали они предъ каждымъ больнымъ и всѣмъ назначали одно лѣкарство—декокть. Хорошее лѣкарство! набивай брюхо, какъ волынку, набивай свой желудокъ житною или гречневою кашницей! Хорошая діета! Спасибо докторамъ, по крайней мѣрѣ, за то, что не пишутъ рецептовъ, не берутъ рублей за приходъ, не посылаютъ въ аптеку. Въ этомъ вся выгода больныхъ. Будь здоровъ, а если заболѣешь, то ступай въ госпиталь, тамъ есть такіе доктора, которые съумѣютъ вылечить. Ышь только гречневую кашницу, пей, сколько угодно, декокты: право, брюхо вырастишь, и шкура твоя будетъ годиться на барабанъ!

Во время болѣзни навѣстилъ меня дядя, московскій діаконовъ—мужъ сестры отца моего. Видя, что тюфякъ, на коемъ я лежалъ, наполненъ клопами, а простыня усѣяна вшами, какъ бисеромъ, изъ состраданія ко мнѣ, просилъ у надзирателя позволенія замѣнить постель собственною своею. Рубль, данный смотрителю, перевѣсь взялъ надъ казеннымъ порядкомъ. Такъ смотрѣли за больными, такъ наблюдали за чистотою и опрятностію постелей больныхъ.

Въ январѣ 1769 г. командировали меня въ числѣ 12 гренадеръ ѣхать съ генераломъ въ Грузію; тамъ происходили военныя дѣйствія и стоялъ пятитысячный корпусъ... По заключеніи перемирія, войскамъ данъ приказъ возвратиться въ Россію. Съ генераломъ, на почтовыхъ, я прибылъ въ Москву, къ мѣсту прежняго своего служенія.

Въ Москвѣ открылась болѣзнь чума, и меня откомандировали въ предохранительную комиссію. По распоряженію оберъ-полиціймейстера *), съ опредѣленною мнѣ командою, состоялъ я на заставахъ около Москвы, при трактахъ, лежащихъ изъ оной, для наблюденія за въѣзжающими и выѣзжающими съ товарамп.

Сперва былъ на заставахъ: Дорогомилловской, Калужской, Серпуховской, потомъ переведенъ въ д. Ботлы, въ 7 верстахъ отъ Москвы, по Серпуховскому тракту, наконецъ въ село Ивановское, что за звѣринцемъ, по Владимирской дорогѣ. За усердное исполненіе служебныхъ обязанностей награжденъ сержантомъ. Въ полный разгаръ чумы пронеслась молва, что образъ Богоматери Боголюбской, что на Варварскихъ воротахъ, можетъ исцѣлить отъ заразы всѣхъ прибѣгающихъ къ оному съ усердною молитвою. Молва въ исцѣлительную силу отъ иконы, будто бы, основывалась на древнихъ записяхъ, кои нашлись, и въ которыхъ сказано, что въ царствованіе Дмитрія Іоанновича, при бывшей въ то время въ Москвѣ чумѣ, духовенство учредили крестные ходы къ сему образу, молили Заступницу о помпдованіи погибающаго народа, и зараза прекратилась.

Никто не зналъ, отъ кого взялась эта молва, но она сдѣлалась общественною въ Москвѣ. Народъ великими толпами стекался къ Варварскимъ воротамъ для служенія молебновъ и, наконецъ, собралось такое множество народа, что священники не управлялись служеніемъ молебновъ, и по Варварской улицѣ невозможно было ни проѣхать, ни пройти. Такія собранія послужили къ большому распространенію заразы; смерть пожирала множество людей, по всей Москвѣ слышенъ былъ плачь, стоны, вздохи; по всѣмъ улицамъ провозились тѣла умершихъ на опредѣленные кладбища. Командующій въ

*) Бригадиръ Выхомева.

то время предохранительною комиссією, г. генераль-поручикъ Еропкинь, по совѣту медицинскихъ чиновъ, призналъ за необходимое прекратить эти собранія, на томъ основаніи, что чумою могутъ заразиться чрезъ платья, сукна и проч. Но такъ какъ собранія эти были не свѣтскія, а духовное богомоленіе, почему и пригласилъ на совѣтъ Московскаго архіепископа Амвросія. Предположили на совѣтъ: для прекращенія народныхъ собраній, въ виду заразы, образъ Богоматери, снявъ съ Варварскихъ воротъ, внести въ ближайшую церковь, въ которой, при народныхъ собраніяхъ, въ предотвращеніе зараженія, воскурять ладонъ и порошки. Преосвященный Амвросій далъ слово исполнить зависящее отъ него. По пріѣздѣ въ свою белью, вызвавъ дежурнаго Консисторскаго, сдѣлалъ распоряженіе снять образъ и поставить въ близъ лежащую церковь. Дежурный подъячій на утро слѣдующаго дня пришелъ къ Варварскимъ воротамъ, приказалъ привести лѣстницу для снятія образа, а приклады и деньги, сложивъ въ сундуки, отнесли въ церковь. Между тѣмъ, народъ былъ уже въ сборѣ. Священникамъ воспретили служить молебны. Народъ, негодуя на священниковъ за неслуженіе молебновъ, раздраженный дурачествомъ и гордостію подъячаго, бравшаго сундуки и приказывающаго снять образъ, спросилъ у подъячаго: „что онъ дѣлаетъ и по чьему распоряженію беретъ образъ, вещи и деньги?“ Гордый подъячій отвѣтилъ, что никому, ни въ чемъ нѣтъ нужды и, что это дѣлаетъ онъ по распоряженію архіерея. Народъ, раздраженный грубымъ отвѣтомъ подъячаго, и, полагая, что деньги,—жертву ихъ,—хотятъ похитить, взбунтовался, и одинъ изъ толпы подошелъ къ подъячему, при словахъ: „да кому-жъ въ томъ нужда будетъ?“ далъ ему хорошую оплеуху и ударъ, сопровождая разными непристойными бранными словами; за этимъ ударомъ посыпались удары и отъ другихъ вкладчиковъ.

Подъячій, весь избитый, и едва вырвавшись, бросился на гауптвахту просить себѣ помощи. Караульный офицеръ, пришедшій съ подъячимъ и 12-ю гренадерами къ показанному мѣсту, требовалъ выдачи виновныхъ бывшей ссоры и въ то же время приказывалъ отнести въ церковь сундуки со вкладами. При требованіи выдачи виновныхъ и приказаніи отнести сундуки въ церковь, одинъ изъ значительной артели, подошелъ къ офицеру, спросилъ, куда беретъ онъ сундуки? Офицеръ отвѣтилъ, что ему до сего нѣтъ нужды и приказалъ взять спрашивающаго подъ карауль.

— „Ба! закричалъ спрашивающій, намъ нѣтъ нужды, насъ берутъ подъ карауль! Ребята сюда“ и офицеру нанесъ такой ударъ, что онъ три раза перевернулся; въ то же время шайка, бросившись на офицера и гренадеръ, такъ избилъ ихъ, что едва сами они дошли до гауптвахты. Офицеру проломили голову, перешибли руку и всего такъ изуродовали, будто бы былъ онъ подъ непріателемъ. Потомъ всѣмъ сборищемъ закричали:

— „Что это выдумалъ архіерей? Онъ желаетъ завладѣть вещами и деньгами. Нѣтъ, лучше умремъ, нежели допустимъ до богопротивнаго расхищенія“!

Толпа бунтовщиковъ часъ отъ часу возрастала. Предположили убить архіерея. Набравъ дреколій, дубинъ, бунтовщики толпою двинулись къ Чудову монастырю, съ намѣреніемъ взять архіерея. Пришедъ къ оному, съ азартомъ вломились въ архіерейскіе покои и, не найдя архіерея, начали грабить его имущество, били окна, посуду, ломали замки въ запертыхъ покояхъ; забирали все, что ни попадалось, отыскивали архіерея по всѣмъ покоямъ, палаткамъ и погребамъ, ломая въ то же время окна и рѣшетки, разграбили кладовыя московскихъ купцовъ съ холстиною и другими товарами, а когда отыскали погребъ тоже Московскаго купца Птицина съ раз-

ными напитками, то начали щелкать бутылками, разбивать боченки, и пить и лить и, опьяненные спиртовыми напитками, предположили разбить карантинные дома и выпустить больных. Часть бунтовщиков отделилась, направилась къ карантиннымъ домамъ. Гдѣ имъ сопротивлялись караулы, тѣхъ били безъ милосердія, малый на Серпуховской заставѣ карауль разогнали. Тутъ же, узнавъ, что архіерей служитъ въ Донскомъ монастырѣ, куда и бросились стремглавъ, чтобы забрать архіерея. Архіерей досовершалъ божественную литургію. Толпа бунтовщиковъ, вошедши въ соборную церковь, дождалась окончанія литургіи. Архіерей не выходилъ къ нимъ изъ алтаря. Тогда толпа ворвалась въ алтарь и, схвативъ архіерея, потащила вонъ. Но какъ монашествующіе убѣждали не окроплять обители человѣческою кровію, и чрезъ сіе не навлекать на себя тяжелаго гнѣва Божія, то сіи злодѣи вытащили бѣднаго освященнаго старца изъ монастыря. Нѣкоторые изъ толпы кричали, что его нужно вести на площадь и всенародно убить, другіе же говорили, чтобы посадить въ погребъ. Когда же свели съ помоста, то начали бить дрючкѣями и убили.

Сей невинно пострадавшій преосвященный Амвросій и вѣнчанный мученическою кровію похороненъ въ Донскомъ монастырѣ ⁵⁾.

Въ этотъ, знаменательный по событіямъ, день я пріѣзжалъ въ Предохранительную Комиссію съ рапортомъ; здѣсь мнѣ пересказали о бывшемъ утреннемъ бунтѣ и грабежѣ Чудова монастыря. На обратномъ пути, при подъѣздѣ къ Серпуховскимъ воротамъ два купца передали, что злодѣи убили архіерея въ Донскомъ монастырѣ и мнѣ не совѣтовали ѣхать

⁵⁾ Портретъ этого святителя, изображающій его въ гробу, въ святительскомъ облаченіи и съ глубокой раной на лбу, имѣется въ Смоленскомъ церковно-археологическомъ музеѣ.

вираво, гдѣ могу повстрѣчаться съ пьяною толпой и отъ нея получить побои. Выѣхавъ въ поле, я увидалъ, что толпа народа съ правой стороны шла въ Серпуховско-Вознесенскую улицу, а потому изъ любопытства приказалъ ямщику ѣхать въ Донскому монастырю. Преосвященный Амвросій, обогранный и вѣячанный кровію, лежалъ на ковцѣ помоста, покрытый покрываломъ; около него стоялъ монахъ. Отбрывъ покрывало, я увидалъ, что вся голова проломлена, лицо исколото остриемъ кола и обограно кровію. Проливъ сердечныя слезы, поклонившись убитому, и испросивъ у него послѣдняго благословенія, я поѣхалъ въ мѣсту своего служенія. Вечеромъ этого дня слышны были пушечныя выстрѣлы и набатный звонъ. Что тамъ происходило, не считаю нужнымъ описывать.

(Продолженіе будетъ).

Преподаватель семинаріи *Л. Лавровскій.*

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Записки Стахія Львова-Троеспольскаго.

(Окончаніе *).

По окончаніи чумной заразы, нашему полку приказано было идти въ С.-Петербургъ. Дядя мой, діаконъ, желалъ, чтобы я остался въ Москвѣ. По ходатайству его меня зачислили въ Томскій пѣхотный полкъ. Вновь прибывшій полковникъ за исправность мою по службѣ произвелъ меня въ фельдфебеля. Въ 1774 г. весь Томскій полкъ отправленъ въ Казань на почтовыхъ лошадяхъ, гдѣ пробывъ пять дней, перешелъ въ Оренбургскую губернію для уничтоженія злодѣйскихъ партій Емельки Пугачева. Въ зимніе мѣсяцы стояли мы въ г. Бугульмѣ. Когда донесено было, что такія партіи появились въ близкѣ деревни Стерлетамаву *) и, по уничтоженіи этихъ партій, двинулись къ Бякалинской крѣпости, въ которой находилась шайка съ большими силами, хорошо вооруженная и имѣвшая пушки. Хотя мы и вытѣснили изъ крѣпости эту шайку, но не безъ урона. Я раненъ былъ картечью въ обѣ ноги. Для охраненія крѣпости оставленъ былъ отрядъ въ триста человекъ, подъ командою Михельсона, намъ же приказано возвратиться въ Бугульму, на зимнія квартиры; для поиска и уничтоженія злодѣйскихъ партій отъ полка были командированы особые отряды. Въ 1775 г. полкъ перешелъ въ г. Уфу, въ 1776 г. въ Казань и Свіяжскъ, въ 1778 г. на Донъ, къ крѣпости св. Димитрія, въ 1779 г. марта 22 дня изъ Свіяжска меня команди-

*) См. № 19 Смол. Епарх. Вѣд.

*) Теперь уѣздный городъ Уфимской губерніи.

ровали въ Москву съ деньгами и письмами. На пути при переправахъ рѣкъ: Сѣвернаго Донца и Ови, подъ Серпуховымъ, при разлитіи этихъ рѣкъ, я подвергался большой опасности; въ Москву прибылъ 24 марта.

По ходатайству дяди, діакона, зачисленъ въ Кригсъ-Комиссаріатъ, на должность столоначальника. Ревностною службою и трезвостію приобрѣлъ любовь начальства и сослуживцевъ, въ это же время женился на воспитанницѣ княжны Ч. Взявъ отставку съ чиномъ офицера, по порученію княжны Ч., двукратно ѣздилъ въ ея низовыя имѣнія для обмежеванія. Во вторую поѣздку, забравъ съ собою жену и двухъ сыновей, по окончаніи обмежеванія, поступилъ на должность соляного пристава въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, по мѣсту обмежеванія. Со дня вступленія въ эту должность, начались скорбные дни моей жизни и продолжались, по милости судьбы того времени, 16 лѣтъ. 16 лѣтъ минуло, какъ дѣло мое тянется. Не имѣя дневного пропитанія, ни одежды, ни рубашки, я поддерживалъ жизнь подаваніями ради Христа.

Старшій сынъ мой, оставленный мною у брата и опредѣленный на службу въ почтовый департаментъ, изъ скуднаго своего жалованья выслалъ мнѣ 10 р. За 16 лѣтъ первая радость посѣтила меня въ жизни, отъ радости я заплакалъ. Испытавъ всю горечь жизни, я припоминалъ свѣтлые дни моего младенчества и юношества у отца, припоминалъ отцовъ духовныхъ, которые съ благодарностію платили мнѣ за письмоводство метригъ, вспоминалъ счастливое время военной службы, когда смерть носилась надъ головой моей.

9 мая 1780 г. столоначальникъ палаты поздравилъ меня съ окончаніемъ дѣла. Палата рѣшила: хотя приставъ долженъ отвѣтствовать за нераченіе по должности и отлучки, но въ силу морского устава, отосланные по таковымъ дѣламъ на галеру Всемилостивѣйшимъ манифестомъ прощены

то и онъ прощается, и отъ сего дѣла быть ему свободнымъ; а взысканія за соль возложить на городничаго и его товарищей. Хотя и былъ я недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, потому что мнѣ поставили въ вину нераченіе и отлучки, которыхъ я не допускалъ при исправленіи должности; хотя и желалось мнѣ войти съ возраженіемъ, но, какъ говорятъ, „съ сильнымъ не борись и съ богатымъ не судись“. Въ виду сего, испросивъ и получивъ дозволеніе ѣхать въ дѣтямъ, оставилъ эти мысли. Хозяину задолжалъ за квартированіе до 100 р. Этотъ добрый человекъ не только не сталъ требовать за квартированіе деньги, но запрягъ свою лошадь и отвезъ меня въ дѣтямъ. Итакъ, въ 16 лѣтъ насилу я отдѣлался отъ сей злонанесенной гибели, которая лишила меня жены, имѣнія и здоровья. Отъ слезъ я потерялъ зрѣніе, и весь корпусъ мой ослабѣлъ. Четыре года прожилъ, по рѣшеніи дѣла, и не могу окрѣпнуть, видно такъ и умереть“!

Далѣе Стахій говоритъ, что по пріѣздѣ въ дѣтямъ, онъ нашелъ ихъ опредѣленными къ мѣстамъ: старшаго—въ почтовомъ департаментѣ, а младшаго—въ уѣздномъ судѣ, а самъ не пожелалъ занять какую-либо должность.

Далѣе слѣдуютъ въ рукописи Стахія рассказы, въ формѣ литературныхъ эскизовъ, въ которыхъ Стахій передаетъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ жизни своихъ полковыхъ товарищей. Такихъ рассказовъ три и озаглавлены они именами главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Лукострѣловъ, Громовъ, Арсутовъ. Приводимъ извлеченія только изъ перваго рассказа, такъ какъ въ немъ есть любопытныя черты изъ жизни духовенства конца XVIII в.

II.

Лукострѣловъ.

Спустя 30 лѣтъ по выходѣ изъ военнаго вѣдомства, я встрѣтилъ товарища по службѣ Лукострѣлова, проѣзжавшаго

на родину къ сибирскимъ краямъ черезъ городъ, въ которомъ я жилъ при дѣтяхъ. Лукострѣловъ, заванный мною въ гости, въ дружеской бесѣдѣ такъ описалъ мнѣ жизнь свою.

Нынѣ живу я въ уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи; живу безбѣдно, а тесть мой—въ г. Смоленскѣ, при архіерейскомъ домѣ главнымъ присутствующимъ въ консисторіи, и любимъ архіереемъ. Имѣю двухъ дѣтей: сына—сержанта Томскаго полка и дочь въ замужествѣ за Казанскимъ помещикомъ.

При запросѣ моемъ:

— „Что же тесть твой, вѣроятно, нашлся при консисторіи?“—товарищъ отвѣчалъ:

— „Правда, тесть мой богатъ и нынѣ протопопомъ. Мы ни въ чемъ не имѣемъ недостатка: я живу положеннымъ жалованьемъ, ни съ кого ничего не беру, чего не терпять и тесть мой; всегда тѣхъ, кои приходятъ съ подарками, гналъ“.

Разскажу прежде о взяточникахъ, а потомъ о тестѣ. При мнѣ пять городничихъ выгнали изъ службы, да и нынѣ два городничихъ находятся подъ судомъ. Первый—за упушеніе арестанта, второй—за поборы. Арестантъ обвинялся въ убійствѣ и по суду подлежалъ наказанію. Городничій, узнавъ, что арестантъ съ достаткомъ, далъ ему свободу ходить по городу съ карауломъ и безъ караула. Когда пришло рѣшеніе наказать, арестантъ скрылся. Караульные же выяснили все потворство городничаго, чрезъ что городничій привлеченъ къ суду. Четвертый годъ, какъ живетъ онъ въ губерніи. Другой—во время набора рекрутъ, обирая, зажиточныхъ отпускалъ и приказывалъ набирать новыхъ; обиралъ торгующихъ на рынкѣ мясомъ, притѣснялъ бунцовъ. Вотъ седьмой годъ, какъ содержится въ кандалахъ. Ему не оправдаться. Теперь о тестѣ.

Тестъ крѣпокъ и лежокъ, служить каждый день. Состоя судьбою при консисторіи, есть у него и доходы, но ничуть не взятки. Онъ не возьметъ полушки ни съ попа, ни съ дьячка, не сдѣлавши дѣла, да и калачей ему не приноси,— выгнать вонъ! По окончаніи дѣла, когда кто принесетъ, то беретъ, смотря по состоянію. Всѣ попы любятъ его и архіерей жалуется ¹⁾. По Консисторіи онъ завелъ такіе порядки: просителей по дѣлу свыше трехъ дней не держать; если узнаетъ о задержкѣ, то дѣлаетъ выговоры секретарю, приказнымъ. Просителей самъ экзаменуетъ: если годенъ, то отмѣчаетъ: учинить дѣлопроизводство, а негодныхъ отсылаетъ домой доучиться.

— „Стало быть, говорилъ я, у Консисторіи доходъ отбивается?“

— „Да, такъ: консисторіи не великъ доходецъ съ дьячка—два рубля, а съ дьякона—четыре рубля, съ попа—восемь рублей. У него все расписано, что кому дать. Архіерей ничего не беретъ; на пѣвчихъ положено по 25 коп. За грамату по 12¹/₂ коп. За взятки многихъ повыгналъ изъ консисторіи, кои и донынѣ безъ мѣстъ шатаются. Было время: вези ставленника въ попы,—100 руб., одеялій консисторскихъ судей, секретаря, приказныхъ, келейниковъ, на богоугодныя дѣла,—дай столько, сколько затребуютъ, не удовлетворилъ—все пропало. Явись въ другой разъ, вези столько же. Посуди самъ, мы иногда осуждаемъ поповъ за то, что они берутъ лишнее за церковныя требы, но осуждаемъ несправедливо. Сей, будучи дьячкомъ, или діакономъ, при средствахъ на дневное пропитаніе, чтобы быть попомъ, не упуститъ мѣста, бѣдняга занимаетъ деньги подъ большіе

¹⁾ Смоленскій архіерей, о которомъ упоминаетъ Лукострѣловъ, есть, кажется, Серафимъ Глаголевскій, управлявшій Смоленскою епархіей съ 1805 г., въ мартѣ 1812 г. переведенный въ Минскъ, скончавшійся въ санѣ С.-Петербургскаго митрополита въ 1848 г.

проценты, долженъ же во время уплатить. Ему, если до-
вольствоваться добродотнымъ даваемъ, то чѣмъ же уплачи-
вать долги? Кромѣ сего, онъ два раза долженъ съѣздить въ
Духовное Правленіе къ благочинному, а при нуждѣ, по ка-
кимъ-либо дѣламъ, и въ консисторію, готовъ на каждую
поѣздку по 10 руб., а иногда вдвое и втрое. Вотъ край-
ность, вынуждающая ихъ выпрашивать. Полагаю, что такая
крайность извинительна. Но вотъ что непростительно: попъ
жалованья не получаетъ, а подъячій живетъ на хорошемъ
жалованьи и можетъ жить безбѣдно. Попъ беретъ за работу,
и взявъ, дѣло исполняетъ, а подъячій—не далъ ему, гово-
рить не станеть; сегодня далъ и на завтра ждетъ такой же
подачки; а прежняя чечетка не въ почетку.

„Прошлаго года пришлось мнѣ ѣздить съ губернаторомъ
по селеніямъ. Въ каждомъ селеніи губернаторъ, вызывая
старость, сотскихъ, земскихъ и прикащиковъ требовалъ отъ
нихъ на ревизію приходо-расходныя книги, въ коихъ за-
писано было: исправнику выдано на проѣздъ 25 р.; ему же
при проѣздѣ приготовлено ведро вина, два штофа водки
10 ф. сахара, свиная туша, столько-то гусей, поросятъ
утокъ, говядины, рыбы, разнаго сорта дичи, овса, муки
холста, сѣна и пр. Обѣдъ и ужинъ стоитъ 10 р.; при немъ
подъячему 10 р., солдатамъ 5 р. и 3 статьею записано
засѣдателю такому-то, при проѣздѣ, столько-то; еще отвезенъ
въ городъ секретарю, судѣ, приказнымъ, стряпчему, город-
ничему, землемѣру и пр., всего по городу и въ проѣздъ въ
наше селеніе, за исключеніемъ разнаго рода мясного, овса,
муки и проч. на 1000 р., да на вино и водку—150 руб.
Проѣзжая по селеніямъ всей губерніи и собирая такіе ре-
эстры, мы набрали огромный тюкъ. Губернаторъ, разобравъ
эти реэстры, привлечь въ отвѣтственности болѣе 100 че

довѣкъ и приказалъ Уголовной Палатѣ судить ихъ напстройше. Прервавъ рѣчь товарища, я спросилъ:

— „Полагаю, что палатные судьи довольно нажились отъ нихъ?“ — Товарищъ отвѣтилъ:

— „Нынѣ въ Смоленской Уголовной Палатѣ судьи, по большей части, изъ богатыхъ дворянъ, а секретарь—маіоръ, служившій въ нашемъ полку, личность достойная—невзятчица. Нынѣ въ нашей губерніи не увидишь, чтобы чиновникъ заходилъ въ трактиръ или питейный домъ, замѣченныхъ въ этомъ увольняютъ отъ службы. Такъ строгъ нынѣшній губернаторъ, но при строгости правосуденъ и милостивъ ¹⁾. По его распоряженію рѣшаются дѣла въ два мѣсяца. Отрѣшая отъ должности чиновниковъ за малыя проступки и опредѣляя въ военную службу, онъ возвращаетъ имъ прежніе чины. Въ настоящее время въ нашей губерніи царитъ тишина и спокойствіе, замѣшательства нѣтъ, поборовъ не существуетъ.

Преподаватель семинаріи *Л. Лавровскій.*